

Анна Берсенева

MAINSTREAM

COLLECTION

Ответный
темперамент

Анна Берсенева

Ответный темперамент

«Анна Берсенева»

2010

Берсенева А.

Ответный темперамент / А. Берсенева — «Анна Берсенева»,
2010

ISBN 978-5-699-41954-8

Наши желания, стремления, а в конечном счете и жизнь слишком зависят от биологических процессов организма. К такому безрадостному выводу приходит Ольга Луговская на том возрастном рубеже, который деликатно называется постбальзаковским. Но как ей жить, если человеческие отношения, оказывается, подчинены лишь примитивным законам? Все, что казалось ей таким прочным – счастливый брак, добрый и тонко организованный мир, – не выдерживает простой проверки возрастом. Мамины советы, наверное, не помогут? Ведь у мамы за плечами совсем другая «проверка» – война. Но что-то общее все же есть в судьбах разных поколений семьи Луговских – единый и очень точный камертон...

ISBN 978-5-699-41954-8

© Берсенева А., 2010
© Анна Берсенева, 2010

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	39
Глава 9	41
Глава 10	45
Глава 11	49
Глава 12	53
Глава 13	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Анна Берсенева ОТВЕТНЫЙ темперамент

Дорогой читатель Литрес!
Я стараюсь писать свои
книжки так, чтобы мне самой
интересно было их читать.
Пусть будет интересно и
Вам.

Анн. Берсенева
(Анна Берсенева)

Часть первая

Глава 1

Наконец у них появилась дача. Ольга была счастлива.

На дачу могут съезжаться гости, как в пушкинском ненаписанном романе. На ней можно проводить лето с внуками. Внуков, правда, еще нет и даже не намечается, но все равно, появятся же когда-нибудь. И сразу можно будет вывозить их под эти чудесные сосны, в эти волшебные заросли орешника, терна и одичавшей ежевики.

Правда, когда Ольга рассказала о своих мечтаниях Андрею, он рассмеялся:

– В зарослях терна, а тем более ежевики жить затруднительно. Вообще, я думаю, придется сразу кого-то нанимать, чтобы хоть немного все это расчистили.

Что в колючих зарослях жить нельзя, Ольга понимала. И что придется нанимать работников, чтобы привести дачу в порядок, понимала тоже: на то, чтобы справиться с разором, установившимся за пять бесхозных лет на участке в полгектара и в доме в триста квадратных метров, у всего их семейства, включая маму, которая намеревалась жить на даче постоянно, не хватило бы ни сил, ни, главное, времени.

А у Ольги и желания бы не хватило, честно говоря. Она с детства не любила никакой монотонный труд, хоть мытье окон, хоть вышивание крестиком. И никогда не понимала, каким образом может успокаивать нервы, например, вязание – после трех провязанных рядов у нее начинала кружиться голова и в животе становилось муторно, как от двухчасовой езды по горному серпантину.

И в запущенности участка и дома Ольга никакого очарования не находила. Она вообще терпеть не могла захламленности и любила, чтобы жизнь была удобной, красивой и отлично налаженной во всех своих повседневных проявлениях. Именно такую жизнь она и собиралась устроить на новой даче.

А когда она говорила Андрею об очаровании зарослей ежевики и терна, то имела в виду совсем другое: что запущенный этот участок – не какой-нибудь голый землеотвод, на котором наскоро возведен безликий новострой, а старый, старинный уголок земли, настоящий, именно такой, о каком они и мечтали. И даже не просто такой – что это тот самый сад и тот самый дом, о котором все они мечтали много лет; вот о чем она хотела сказать мужу.

Да Андрей это и сам понимал, конечно. За двадцать лет жизни с ним Ольга не помнила ни одного проявления мысли и чувства – не только лично своего, но вообще, – которое не было бы понятно ее мужу.

Как со всяким существенным приобретением, с домом в Тавельцеве оказалось связано множество новых дел, на первый взгляд отношения к нему не имеющих. Точнее, эти дела не относились непосредственно к ремонту или обустройству, но все-таки относились именно к дому как к явлению.

– Ты любишь глубинные определения, – оценил это Ольгино наблюдение Андрей. – По сути, они верны, но когда применяются к простому быту, то вызывают у посторонних людей недоумение.

Это была правда, наверное, но до посторонних людей Ольге не было дела. Во всяком случае, сейчас.

Сейчас она была озабочена тем, что не умеет водить машину. При мысли о том, что, если Андрей будет занят, на дачу ей придется добираться электричкой, Ольге становилось тоскливо. Она никогда не любила проявлений коммунального духа, но если в юности умела их не замечать, то с возрастом они стали вызывать у нее сильнейшее, почти физическое отторжение.

Агрессивная в своем однообразии жизнь вокзалов, строительных рынков, просто рынков, которые из ярких уголков природного изобилия давно уже превратились в отстойники человеческого примитива, портила ей настроение даже издали. И, главное, с возрастом она перестала понимать, почему должна на эту жизнь тратить хотя бы минуту жизни собственной.

Поэтому Ольга давно уже организовала свою жизнь так, чтобы сталкиваться со всем этим как можно реже. Благо в метро приходилось ездить не слишком часто – от работы до дома было рукой подать, и приятна была ежедневная прогулка по бульварам. А деньги, появившиеся наконец после постоянной их нехватки в молодости, Ольга без размышлений использовала, чтобы покупать все необходимое в хороших магазинах и отдыхать в хороших отелях, где не царит хамство.

Она умела ценить три великие вещи – здоровье, все то, что относится к жизни духа, и то, что принято называть образом жизни, – и знала, что каждая из этих вещей, не говоря уже обо всех разом, дороже любых денег.

И что, теперь вдруг окунуться в эту вот настойчивую, навязчивую, нагло уверенную в своем праве быть примитивной жизнь пригородных электричек только из-за того, что не можешь разобраться в двух педалях и одном рычаге? Да ни за что!

Упорства Ольге было не занимать, но вождение машины... Это было одно из тех немногих занятий, которых она не просто опасалась, а по-настоящему боялась. Ольга не чувствовала габаритов, не ориентировалась в перекрестках и поворотах улиц, а главное, совершенно не обладала той уверенностью в своих действиях, той водительской решимостью и резкостью, без которых, она понимала, невозможно теперь ездить по Москве.

Но что же: если какое-то дело дается тебе с трудом, то к его освоению и нужно приложить труд. Эту нехитрую истину Ольга даже не усвоила в детстве, а впитала с молоком матери.

Поэтому часть ее усилий, свободная от обустройства дачи, была направлена сейчас на водительские курсы. Обучение на этих курсах, может быть, не требовало особенной самоотдачи, но все-таки требовало немалого времени, а время свое Ольге и без курсов приходилось рассчитывать очень жестко. Впрочем, она к этому привыкла, и это ее не только не угнетало, но даже, пожалуй, радовало.

Повседневность ведь и нуждается в жестком каркасе необходимости, иначе у нее, у этой привычной повседневности, слишком много возможностей растечься, и не красиво растечься – мыслю по древу, что ли, – а самым убогим образом. Человеку слишком легко превратиться в бесформенное и бессмысленное пятно, это происходит хотя и не в один день, а постепенно, но все-таки довольно быстро. Людей, с которыми это произошло уже годам к тридцати пяти, Ольга знала немало.

В общем, она записалась на водительские курсы. Практическое вождение пока не началось, но ходить на занятия надо было три раза в неделю, а тут и на работе образовался завал, обычный для конца июня, и разгребать его любезно предоставили ей, и ее занятия с абитуриентами вступили в последний перед экзаменами, решающий период... В результате всего этого выходило, что Ольга попадает на новоприобретенную дачу только по выходным. Это ее расстраивало. Она звонила маме по три раза в день, расспрашивая, что происходит в саду и в доме, пока та не сказала:

- Оля, уймись. Нельзя так самозабвенно отдаваться бытовым вещам.
- Дом – не бытовая вещь, – возразила было Ольга.

Но разубедить маму в том, в чем ее убедила жизнь, было невозможно.

– Именно бытовая, – спокойно заявила она. – Согласна, из области прекрасного быта. Но все равно – не более чем. Так что звони мне один раз в день, и я тебе единым же разом буду сообщать все, что тебя интересует.

- Ладно, – вздохнула Ольга. – Малину обрезали?
- Обрезали.

– Все-таки поздно. В этом году, наверное, ягод уже не получится.

Дом купили в феврале, но мама перебралась в него только в мае, а ежегодную обрезку малины, Ольга прочитала в Интернете, следовало делать ранней весной.

– Получится, – возразила мама. – Назим сказал, малина хорошая, такую и в июле обновлять не поздно.

Назим был старший из трех узбеков, которых Андрей нанял для первоначальной уборки дома и расчистки сада. Потом, когда яснее станет направление работ, предполагалось пригласить более квалифицированных рабочих.

– Он-то откуда знает? – хмыкнула Ольга.

– У него дома тоже сад.

– Разве в Средней Азии растет малина?

– Ежевика растет. Он говорит, это одно и то же.

– Ну, не знаю. – Перед маминым несокрушимым спокойствием отступало даже Ольгино упорство. – Ладно, будем надеяться, что-нибудь да вырастет.

– Какие серьезные у тебя надежды! – засмеялась мама. – Космического прямо-таки масштаба.

Насчет космической же глупости она не добавила. Видимо, это и так было понятно. Или, что вернее, маме просто не была присуща потребность в пустой иронии.

В таком же духе она отвечала на все прочие вопросы, которые задавались ей на протяжении недели. И вот наступил наконец вечер пятницы, и Ольге представилась возможность убедиться в точности маминых ответов.

Глава 2

Сосны обступали участок с трех сторон по периметру, а отдельные деревья стояли и у самого крыльца. Ежевикой был увит весь забор – во всяком случае, та его часть, которую можно было разглядеть, идя от ворот к дому.

Ольга шла от ворот к дому, и дорожка, недавно посыпанная мелким светлым гравием, весело хрустела под ее шагами.

Мама обернулась на этот радостный звук. Она стояла в конце дорожки, у самой веранды. В руках у нее были большие садовые ножницы.

– Ты что это делаешь? – спросила Ольга, подойдя поближе. – Привет, ма.

– Привет. Волчки с розовых кустов обрезаю.

– Что-что обрезаешь? – поразила Ольга.

Все-таки сад сулил множество открытий! От них уже не захватывало дух, как захватывало в детстве, когда она читала об открытии Северной Земли, например. Но все же в повседневности и простоте этих маленьких нынешних открытий была какая-то неназываемая прелесть.

– Волчки, – повторила мама. – Если на новом побеге не по пять, а по семь листков, то, значит, роза вырождается в шиповник. И такой побег надо срезать.

– Надо же! – улыбнулась Ольга. – А кто тебе это сказал?

– Сама помню. С молодости еще. У твоей бабушки здесь был розарий. Вон там, видишь, где теперь смородина. – Мама показала на площадку перед домом; смородина выглядела там как-то не на месте. – Твоя бабушка Нина очень была всем этим увлечена.

– Смородину надо пересадить, – сказала Ольга.

– Да просто выбросить.

– Ну да, выбросить! Жалко же.

С тех пор, как появился этот сад, Ольга стала с благоговением относиться не только к деревьям, но и к кустам. Попробуй-ка его вырасти, куст! Да и цветок обыкновенный попробуй вырасти, если он так и норовит не прижиться, и непонятно еще, как перезимует.

– Нисколько не жалко. – Мама пожала плечами. – Куст старый, ягод от него мало. И красоты никакой – глупо он здесь посажен.

Конечно, она была права. Ольга и сама так думала.

– Смешной у нас с тобой разговор, – вдруг улыбнулась мама.

– Почему?

– Так. Старческий.

– И ни капельки не старческий, – обиделась Ольга. – Это все очень важно.

– Я и не говорю, что неважно. Но, согласись, в восемнадцать лет такие вещи важными не кажутся.

– Мало ли что не кажется важным в восемнадцать лет! – усмехнулась Ольга. – Что же мы теперь, Нинку начнем спрашивать, где смородину сажать?

– Да я не о том... Ну ладно, это ерунда!

Мама махнула рукой с той самой беспечностью, которая, Ольга легко догадывалась, с ума сводила мужчин в ее молодости. И вообще, весь этот разговор о возрасте в самом деле казался по отношению к маме ерундовым. Невозможно было поверить, что ей уже исполнилось восемьдесят лет. Восемьдесят! Эта цифра всегда казалась Ольге запредельной, просто-таки трагической. Близость смерти, ну, в лучшем случае, полное иссякновение жизненных сил – вот что такое был этот возраст, когда она думала о нем отвлеченно. Но когда он стал возрастом мамы, то как-то само собой оказалось, что ничего страшного в нем нет. Просто цифра, в абстрактности своей ничем не отличающаяся от других цифр, вот и все.

На юбилей Андрей подарил теще швейцарский велосипед и напомнил, что Лев Толстой именно в этом возрасте выучился на нем ездить.

– Лев Николаевич с младенчества ездил на коне, – напомнила та. – Так что навык держаться в седле у него был. Но подарок своевременный, спасибо. За молоком буду ездить.

Вообще-то велосипед не был для нее новинкой. Из маминых рассказов Ольга знала, что первый велосипед – не детский трехколесный, а настоящий – подарили ей родители на шестнадцатилетие.

Праздновали в этом вот самом саду. Под деревьями стояли столы, и гости забывали о расставленной на них еде, потому что с деревьев то и дело падали груши, такие сочные, каких, мама говорила, ей никогда в жизни больше есть не приходилось. Правда, она тут же добавляла, что ощущение сверхъестественной сладости и сочности тех груш может быть просто игрой памяти. И в самом деле, какие уж такие особенные груши могут вырасти в Подмоскovie?

А на новом швейцарском велосипеде она в самом деле стала ездить за молоком в деревню. Мама была суха, легка и когда садилась в седло, то сзади казалась совсем девочкой – даже юбка виляла вокруг ее ног с девической соблазнительностью. Она не любила брюк и никогда их не носила, и Ольга переняла от нее эту странную привычку, которую Андрей, впрочем, находил очень женственной.

– Ты одна? – спросила мама.

– Ага. Андрей сегодня поздно освободится, только завтра сможет приехать.

– А тебе, конечно, не терпелось, – улыбнулась мама.

– Конечно! – засмеялась Ольга. – Может, и правда старею? – с удивлением проговорила она. – Кто бы мне лет пять назад сказал, что я в электричке буду трястись ради того, чтобы поскорее на травку попасть, обсмеяла бы, и все. А теперь...

Но мысль о собственном старении, что и говорить, неприятная, не успела задержаться у нее в голове.

– На ужин клубника со сливками, – сказала мама. – Все домашнее. Можешь себе такое вообразить?

– Не могу! – зажмуриваясь от восторга, ответила Ольга.

– Притом сливки настоящие, деревенские. Я с ними по утрам кофе пью. Приятное, скажу тебе, ощущение. Жизнь становится прекрасна и безумно хороша, – заключила она словами из какой-то оперетты.

На дорожке, огибающей дом, показался Назим.

– Здравствуйте, – кивнул он Ольге. И тут же обратился к маме: – Татьяна Дмитриевна, та будка, которая в конце сада была, на дрова не годится уже, очень дерево гнилое. Мы ее сожжем, да?

– Подождите сжигать, – сказала мама. – Вы ее разрушили? Сейчас я приду посмотрю.

Вести хозяйство большой усадьбы ей явно нравилось. В этом было что-то от романов ее любимого Толстого.

«Только корзиночки с ключами ей не хватает», – подумала Ольга.

Она только теперь поняла смысл этого хозяйственного атрибута. Раньше ей непонятно было, зачем для ключей нужна корзиночка, не проще ли положить их в карман. Теперь же оказалось – в какой там карман! Ключи не помещались даже в специальном плоском английском шкафчике, который Нинка приобрела для загородного дома, побывав в этом доме раза три, не больше. Ключи были от трех калиток и от трех ворот, по два ключа от каждой из двух входных дверей, от бани, от кладовки, от погреба, от сарая, еще от каких-то бесчисленных шкафов и ящиков... Все они были большие, старые, очень необычные, и хотя очевидно было, что ящики комода, например, можно и не запирать, но не выбрасывать же такие прекрасные ключи только потому, что на первый взгляд они кажутся бесполезными. Для чего-то же их завели в этом доме люди, которые получше разбирались в настоящей пользе!

Мама пошла вслед за Назимом в сад, а Ольга поднялась на веранду.

Веранда в доме была такая, которую, Ольга читала у Бунина, в помещичьих усадьбах называли балконом, то есть не застекленная, а открытая, обнесенная лишь невысокой деревянной решеткой. Это Ольге нравилось. Она и раньше, бывая в гостях у друзей – конечно, на обычных дачах, а не в дорогих коттеджах, – не понимала, зачем надо стеклить веранды. Зимой на них, застекленных, все равно холодно, летом жарко, и каждый год, приезжая на дачу весной, хозяева обнаруживают, что половина стекол перебилась за зиму.

Застекленные веранды были отголоском советских времен, когда в тесных дачных будках шла борьба за каждый квадратный сантиметр, на котором можно устроить спальное место; было бы странно, если бы Ольге они нравились.

А в их новом старом доме веранда была ажурная, просторная, вся увитая девичьим виноградом, и даже то, что терракотовая краска на ее решетке и опорах облупилась, придавало ей особенное очарование подлинности.

Когда тетя Мария покупала этот дом, то веранда сразу произвела на нее неотразимое впечатление. А поскольку мамина сестра, как и все сестры Луговские, была вот именно человеком впечатления, сердечного ощущения, то и покупка этого дома была решена ею в те минуты, когда она шла от ворот к крыльцу.

На веранде уже стояла новая мебель: круглый деревянный стол, понравившийся Ольге тем, что раздвигался до размеров свадебного, и легкие деревянные полукресла, сиденья и спинки которых были обиты плотной тканью, напоминающей чесучу. Может, эта мебель была и не тем приобретением, которое следовало сделать в первую очередь, получив в свои заботы огромный запущенный дом, но Ольга считала, что если начинать с первоочередных приобретений, то полжизни проживешь в обстановке полусделанности, незавершенности, незначительности. Так что красивую и удобную мебель для веранды она купила сразу и без колебаний.

Первый этаж состоял из большой центральной комнаты – судя по всему, гостиной, – к которой примыкала зимняя кухня, тоже довольно просторная, и из двух комнат поменьше – они были отделены от гостиной и кухни небольшим коридором. Рядом с этими комнатами, предназначенными под гостевые спальни, находились и ванная с туалетом. Они были оборудованы лет пятнадцать назад, то есть допотопно, и нуждались в скорейшем ремонте.

Из других фундаментальных работ надо было сделать в гостиной камин; вот и все на первом этаже, пожалуй.

Ольга окинула гостиную удовлетворенным взглядом. Все-таки она была очень хороша даже без ремонта, после обычной генеральной уборки. Стены обиты темными деревянными панелями – потом их надо будет покрыть хорошим лаком; потолок тоже обшит деревом, но так, что видны массивные перекрытия, балки которых еще при строительстве дома были украшены резными узорами. Может, немного мрачновато, но для зимы очень даже хорошо: когда дом теплый, то такая тяжеловесность создает уют. А лето можно проводить и на веранде, ее-то солнце, едва показавшись на небе с утра, освещает весь день, и дождь ее не заливает, так уж она как-то умело расположена.

Из кухни доносился густой запах свежей сдобы. Видимо, к ужину предполагалась не только клубника со сливками. Ольга втянула этот запах поглубже, зажмурилась от удовольствия и поскорее поднялась на второй этаж, чтобы оставить сумку в их с Андреем спальне.

Второй этаж, собственно, весь и состоял из спален и комнат, которые по своему виду казались предназначенными для рабочих кабинетов. Комнат здесь было так много, что Ольга даже не в первый день сосчитала все. Они были небольшие, но при этом почему-то не производили впечатления клетушек. Видимо, потому, что хотя дом и не являлся каким-нибудь историческим особняком, но тот, кто проектировал его сто лет назад, владел секретом пространства.

Одна из комнат, самая красивая, располагалась в торце дома. В отличие от всех других окон, приспособленных для бережного отношения к домашнему теплу, в ней окно было

огромное, на полстены, как будто не на русскую зиму рассчитанное, а на какую-нибудь венецианскую. Верхняя часть этого окна была витражная, и разноцветные стекла бросали на деревянный пол яркие пятна. Правда, картину портила практичная коричневая краска, которой пол был выкрашен, но это было дело поправимое. Ольга уже и сейчас представляла, как будут играть эти витражные огоньки на выскобленных, покрытых лаком светлых досках.

Эту комнату отвели Андрею под кабинет, а соседнюю под их с Ольгой спальню. Андрей работал постоянно и везде, внешние условия не имели для него особого значения, и в этом своем кабинете он начал работать сразу же, как только в него вошел; такую мелочь, как играющие на полу витражные отблески, он вряд ли и заметил. И в те немногие вечера, которые они уже успели провести в этом доме, Ольга – она всегда ложилась раньше, но никогда не засыпала, пока не ложился Андрей, – с привычной радостью прислушивалась к его шагам за стеной. При этом она отмечала про себя, что полы во всем доме скрипят все-таки слишком сильно, что скрип этот хотя и уютен, но его, наверное, надо будет как-то уменьшить во время ремонта.

В спальне никакой мебели пока не было. Лежал посередине комнаты большой надувной матрас, стояли рядом с ним два стула, и все. Ольга бросила сумку на пол возле матраса и вернулась на первый этаж.

Стол на веранде был уже накрыт льняной скатертью, и на нем стояла разномастная посуда. Хорошую посуду для дачи еще не купили, собрали из дому что пришлось, но клубника и в ней выглядела великолепно. Может, правда, клубнике добавляло прелести сознание, что она выросла в собственном саду, но не могло же это сделать ягоды крупнее, чем они были на самом деле.

– Садись, – сказала мама. – Сначала бульон с пирогами, а десерт потом.

– А говорила, только клубника будет, – улыбнулась Ольга.

– Я имела в виду самое характерное. Пироги ведь я и дома пекла. Да, а бульон из настоящей курицы! – это она уже крикнула из кухни. – Я ее вчера у Грани купила. – Граня жила в деревне, у нее мама брала молоко. – Домашняя курица жесткая, как подошва, но бульон получается прекрасный. Не то что из бройлера раскормленного. Забытый вкус!

– А пироги с чем? – спросила Ольга.

От вида пирогов, которые мама вынесла на веранду в большой фаянсовой миске, у нее потекли слюнки.

– С грибами. С белыми сушеными, тоже у Грани купила.

– Да ты тут пир натуральный устроила! – засмеялась Ольга.

– Я же вас ждала, – пожалала плечами мама. – И ничего особенного вообще-то нет. Натуральное все, это правда. Но должны же вы ощутить, что ваша жизнь изменилась к лучшему, – улыбнулась она.

Это Ольга и так уже ощущала, что называется, всеми фибрами души.

К сорока годам ее жизнь вошла в такое ровное, такое привычное русло, что иногда казалась скучноватой. Нет, она не жаловалась на судьбу, да и грех было бы жаловаться, когда все у тебя благополучно, твои родные здоровы, и сама ты здорова, и работа тебе не надоела... Но ощущение, что ничего нового в жизни уже не будет, все-таки Ольгу смущало.

И вдруг – как с неба свалился этот дом, мечта и сказка, и пределы жизни сразу расширились, и появился в ней новый, очень сильный интерес.

– Ну как твои курсы? – спросила мама, разливая бульон. – Газ от тормоза уже отличаешь?

Бульон она подавала еще не в супнице, а в довольно неказистой кастрюльке, и наливался он не в бульонницы, а в обычные тарелки. Но он был настоящего янтарного цвета, и поверхность его переливалась золотистыми пятнами, и у разрезанного крутого яйца, которое лежало на дне тарелки, желток был такой яркий, какого не дают никакие обманные добавки в рационе инкубаторских кур.

– У нас практическое вождение только на следующей неделе начнется, – ответила Ольга. – Пока механизмы всякие изучаем. И ПДД.

– Что-что изучаете? – переспросила мама.

– Правила дорожного движения.

– А!.. Я думала, аббревиатуры уже не в ходу. В основном сленг отовсюду несетя.

До ухода на пенсию мама преподавала современный русский язык, притом не в школе, а на филфаке МГУ, поэтому ее ухо улавливало любые изменения в повседневной речи.

– Ты здесь не скучаешь, ма? – спросила Ольга.

Их с мамой разговор всегда развивался прихотливо, без видимой логики переходя на новые темы. Так Ольга разговаривала только с ней и с Андреем. Даже с Нинкой этого не получалось: вопреки своей бытовой безалаберности дочь мыслила и говорила четко и так же действовала.

– Нисколько. – Ольгин вопрос не показался маме неожиданным. – Во-первых, в мои годы все делается гораздо медленнее, чем раньше. Любое мелкое повседневное занятие отнимает непристойно много времени. Бродский об этом точно написал: «Я не то чтоб схожу с ума, но устал за лето. За рубашкою в шкаф полезешь, и день потеряю». Может, он имел в виду не старческую медлительность, а что-то более значительное, но я переношу его слова на свое состояние и, мне кажется, не ошибаюсь. Ну, а во-вторых, опять-таки с возрастом, становятся значительными такие явления, которых в молодости даже не заметил бы. И очень они, скажу тебе, развлекают. Да, и смородиновый куст на месте розария. – Мама догадалась об Ольгиных мыслях прежде, чем та успела их высказать. – И будку сжигать или не сжигать, и другое в том же духе. Когда я впервые такой интерес за собой заметила, то даже испугалась, честное слово. Мне старуха-процентщица из Достоевского почему-то представилась, – улыбнулась она. – А потом такое состояние показалось мне логичным. Ведь я позитивистка, материалистка, как и все в моем поколении. Жалею даже, что в свое время не пошла в медицинский, как папа хотел, – разбиралась бы в физиологической подоплеке душевных состояний. Да, так вот, я думаю: если с возрастом сил становится меньше, то и масштаб их приложения должен сокращаться, правда? А значит, и круг интересов. И в этом сузившемся кругу начинается какая-то новая жизнь, с новыми представлениями о важности и неважности событий. Разве не так?

– Наверное, – пожала плечами Ольга. – Я об этом как-то не думала, ма.

– Тебе еще и ни к чему об этом думать. Собственно, и я об этом не думала – само собой пришло, без размышлений. Хорошо, что Мария купила этот дом. Ну, а что на работе у тебя? – спросила мама.

Они поговорили об Ольгином институте, о том, что у Андрея все больше времени отнимает политическое консультирование, которое сначала казалось лишь побочным заработком, что Нинка расстраивает родителей своим поверхностным отношением к учебе... Потом мама ушла к себе, а Ольга вынесла на веранду кресло и уселась читать, и читала до самой темноты, а когда наступила темнота, то попыталась читать при свече, вставленной в створчатый фонарик, но это оказалось невозможно, хотя отсветы фонарика были очень красивые.

Она вынесла на веранду настольную лампу. Шнур от лампы еле дотянулся из комнаты, и Ольга подумала, что потом надо будет провести на веранду электричество... Наверное, оно здесь раньше было, но провода давно пооборвались...

Она не сразу заметила, что мысли ее становятся все медленнее, все ленивее, а когда заметила, то уже еле добралась до спальни и уснула, кажется, в ту самую минуту, как нырнула под одеяло.

Глава 3

«Ну почему я вчера без Андрея приехала?» – с этой мыслью Ольга проснулась.

Она еще не открыла глаза, и мысль была, собственно, даже не мыслью, а лишь каким-то смутным ощущением на границе сна и яви. И вот на этой неясной границе ей было ужасно жаль, что Андрея нет рядом, а значит, утренние минуты, самые драгоценные минуты целого дня, пройдут без него.

Однажды он рассказал Ольге, что наилучшая тренировка для защиты от стресса – это подъем по лестнице смыслов.

– Надо начинать с ответа на простой вопрос: зачем я утром оделся? – объяснял он. – Чтобы идти на работу, – отвечаешь ты себе. Зачем я иду на работу? Чтобы не скучать дома. Чтобы сделать что-то полезное. Чтобы заработать денег. Зачем мне зарабатывать деньги? Чтобы купить жене шубу. Чтобы не умереть с голоду. Ну, и так далее. Через несколько ступенек неизбежно встанет вопрос о смысле жизни.

– И что, вот каждый день надо задавать себе вопрос о смысле жизни? – удивилась тогда Ольга.

– Да. И не только задавать вопрос, но и искать на него ответ.

– А по-моему, это довольно глупо постоянно держать такое в голове. Пафосно как-то.

– Это не то чтобы глупо, но тяжело. И организм будет активно защищаться. В этом-то тренировка от стресса и состоит. Вот если охватит тебя то, что моя любимая теща называет меланхолией и мерихлюндией, то такое состояние не окажется для тебя новостью – ты будешь к нему готова.

Наверное, это было правильно, во всяком случае, звучало остроумно. Но для Ольги лестница смыслов начиналась с вопроса, рядом ли сейчас Андрей, и от ответа на этот вопрос зависело, продолжит она подъем к размышлениям о смысле жизни или нет.

Вчера она приехала на дачу без мужа, значит, сегодня начинается день в его отсутствие, значит, смысла в этом дне не будет до тех пор, пока Андрей не появится.

С этим ощущением – легкой досады на бессмысленно начинающийся день – Ольга открыла глаза.

И сразу ее охватила такая радость, как будто она нырнула в воду в какой-то мрачной, опасной болотистой местности, а вынырнула в сверкающей под солнцем веселой заводи.

Андрей лежал рядом и смотрел на нее, подперев голову рукой. Вид у него при этом был самый что ни на есть характерный, только ему присущий: изучающий – такой, будто он смотрит не на жену, которая известна ему вся, в каждом своем внешнем и внутреннем проявлении, а на какой-нибудь редкостный минерал или цветок. То есть, вернее, как смотрел бы он на минерал или цветок, если бы был минералогом или ботаником.

– Ой... – проговорила Ольга. – Ты откуда взялся?

Вообще-то стоило бы удивиться, что она об этом спросила. То, что Андрей рядом, всегда казалось ей таким естественным, что она готова была скорее поверить в нереальность своего вчерашнего вечера без него, чем в странность его утреннего появления.

– Приехал час назад, – ответил он. – А ты так сладко спала, что я, как только тебя увидел, чуть сам не уснул. Прямо на пороге. Но все-таки успел дойти до постели и прилечь рядом с тобой.

– А о чем ты думаешь? – спросила Ольга.

– Я не думаю – я вспоминаю.

– Вспоминаешь? О чем?

Это ее очень заинтересовало. Она тоже приподнялась на локте, чтобы лучше видеть его лицо.

– Как мы с тобой однажды были в театре, и ты вдруг решила подкрасить губы. Помаду ты как-то сразу из сумочки вынула, а зеркальце рылась-рылась, но найти не могла. А свет в зале уже вот-вот должны были погасить, и ты торопилась.

Андрей говорил обстоятельно, как на лекции, и Ольга слушала его с интересом, хотя после первых же слов вспомнила историю, которую он рассказывал.

Это было двадцать лет назад, через неделю после их знакомства. Они тогда впервые пошли вместе в театр – Андрей ее пригласил, и ей было приятно, что кавалер у нее театрал. И только уже гораздо позже он сказал, что оказался тогда в театре впервые после «Золотого ключика» и «Золушки». На детские спектакли его водили родители, а сам он театр не понимал и никогда не посещал, и Ольгу пригласил туда не из собственного театрального интереса, а лишь потому, что терялся, не зная, куда бы пригласить интеллигентную девушку, все-таки не на лекцию же в Политехнический музей.

– И что? – спросила Ольга. – Нашла я тогда зеркальце?

Она подумала, что ему, наверное, было бы жаль, если бы он узнал, что она и сама отлично помнит эту историю, потому и спросила.

– Ты бросила искать, – сказал Андрей. – И стала смотреться в мои очки. Накрасила губы, положила помаду обратно в сумочку, и свет тут же выключили. А я подумал: зачем она красит губы, если знает, что свет вот-вот погасит и никто ее губ не увидит?

Она тогда стала так лихорадочно красить губы, потому что вдруг показалась себе ужасной простушкой, которую совсем неинтересно приглашать в театр, и это до того напугало ее, что задрожали руки. Но Андрею она об этом, конечно, тогда не сказала. И даже сейчас не сказала тоже.

– И что же ты ответил себе на этот вопрос? – улыбнулась Ольга.

– Так до сих пор и не знаю. Ссылаться на пресловутую женскую логику профессиональному психологу как-то неудобно. Но ничем другим я твое тогдашнее поведение объяснить не могу.

– Хорошо, что ты приехал, – сказала она. – Я о тебе скучала.

Вообще-то Ольга поняла это, ведь только когда проснулась. Да и то, что она почувствовала, проснувшись, вряд ли называлось скукой. Но в ее словах все-таки не было неправды.

Вместо ответа Андрей притянул ее к себе. Его желание не нуждалось в словах. Как и Ольгино, впрочем.

О том, что способность испытывать от близости физическое удовольствие с годами становится сильнее, Ольга, конечно, знала и раньше. Правда, она не вспомнила бы, откуда. Из книг, наверное, или из фильмов, или из каких-нибудь обрывочных разговоров; специально она этого не обдумывала. Да, откуда-то это было ей отлично известно. Но одно дело сведения о чьих-то отвлеченных наблюдениях, и совсем другое – собственные ощущения. Их острота, пришедшая именно с годами, оказалась для Ольги неожиданной.

В юности, в самом начале своей супружеской жизни – собственно, еще и не супружеской даже, – она была влюблена в Андрея так сильно, что физическая близость не казалась ей необходимой. Или, вернее, другая у нее была логика: в юности Ольга была восторженна и переполнена книжными представлениями о любви, то есть она была способна к очень сильным чувствам, но все эти чувства были связаны у нее с сердцем, а не с телом. Правда, и телесная сторона любви не испугала ее и даже не разочаровала – видимо, потому, что из книг же Ольга знала, что она может испугать и разочаровать, и была к этому готова, – но все-таки и не обрадовала. Она видела и чувствовала, что Андрею эта сторона любви необходима, и понимала, что когда-нибудь она станет необходима ей самой – но не более того.

Это длилось довольно долго, года два, наверное. Они уже и пожениться успели, а Ольгиная любовь к мужу оставалась прежней: в основном сердечной, отчасти головной, но уж точно не телесной.

И вдруг это изменилось – в один день, точнее, в одну ночь; она помнила эту ночь до сих пор, сильно и ясно.

Хотя помнить было, собственно, нечего – никаких внешних примет не было, ночь была обыкновенная. Вот разве что день был не совсем обычный: в соседнем с ними доме открыли «Макдоналдс», первый в Москве.

В тот год умерла Андреева бабушка, и молодым решили отдать ее комнату в коммуналке на Большой Бронной. Ремонт пришлось делать самим: на рабочих денег не было, да и самих рабочих не очень-то можно было тогда найти, во всяком случае, ни у родителей Андрея, ни у Ольгиной мамы полезных связей в этой области не имелось. Не имелось их и в других полезных областях – в которых можно достать обои, например. Поэтому импортных обоев купить не удалось, на них все равно и денег не хватило бы, а купили гомельские, в голубую полоску, и радовались, что не в цветочек: полоска выглядела все-таки попроще, и клеить ее было проще, почти не приходилось подбирать узор.

Но все равно они едва справились с этой работой. Навыков у них не было никаких, природного таланта к этому занятию, видимо, тоже, поэтому обои то норовили наклеиться косо, то морщинились, то вовсе отклеивались у самого потолка, и тогда приходилось передвигать шаткую пирамиду, составленную из письменного стола и табуретки – стремянки не было, а потолки в старом доме были высокие, – взгромождаться на нее и приклеивать обои заново.

Часам к пяти они оба устали так, что взобраться на эту пирамиду еще хотя бы раз не представлялось возможным просто из-за головокружения.

– По-моему, нам пора сменить вид деятельности, – наконец сказал Андрей. – Знаешь, как я это понял?

– Как? – спросила Ольга.

Устала она не меньше, но упорства у нее было все-таки побольше, и она готова была клеить обои до победного конца, как бы он ни выглядел.

– Я поймал себя на том, что с удовольствием постоял бы вон в той очереди.

Андрей кивнул на открытое окно. Очередь в «Макдоналдс» змеилась по скверу перед Тверским бульваром и выглядела бесконечной.

Все Ольгино детство, вся молодость были связаны с очередями. Перечень товаров, которые приобретались без них, был невелик, так что она относилась к очередям как к малопривлекательному, но неизбежному явлению природы – как к майскому нашествию комаров, что ли. Поэтому мысль Андрея была ей понятна: получить удовольствие от стояния в очереди можно было только в сравнении с каким-нибудь очень неприятным занятием.

– Значит, пойдем в очередь, – без размышлений решила она. – А обои потом доклеим.

К Ольгиному удивлению, очередь оказалась не такой долгой, какой должна была бы быть при ее угрожающей длине. Или дело было в том, что в ней царили не уныние и не злость, а веселое любопытство? Совсем не было хватких теток, готовых растерзать каждого, кто, им казалось, покушался на их право получить товар поскорее, зато было много молодежи, детей, вообще людей с живыми лицами. И вечер был теплый, и закатные солнечные пятна играли на молодой траве бульвара...

Ольга с Андреем даже не заметили, как попали в «Макдоналдс». Но когда они очутились внутри, то почувствовали просто зверский голод и набрали такое количество еды, которое невозможно было съесть за один присест даже притом, что эта еда оказалась необыкновенно вкусной – может быть, своей непривычностью.

Ну да переизбыток еды не показался им бедой – домой они явились нагруженные картонными коробочками и очень веселые. И обои доклеивать уже не стали, потому что разомлели от такого простого удовольствия, каким была эта необычная еда. Или просто от удовольствия

быть молодыми, любить друг друга, иметь собственное жилье... Что в сравнении со всем этим значили не полностью оклеенные стены?!

Кроме них, в квартире жили еще только две старушки, поэтому очередь в ванную случалась редко. Ольга пошла в душ раньше Андрея и вернулась свежая, еще больше повеселевшая. Забравшись в кровать, она выключила торшер и с головой накрылась одеялом. Ей было радостно, как в детстве, и, как в детстве, охватывало ее беспричинное счастье.

– Ты спишь? – спросил Андрей, подойдя к кровати.

Ольгины глаза уже привыкли к темноте, и она видела, что он снял очки. Да и в голосе его слышались неуверенные нотки близорукого человека.

– Да!.. – злодейским голосом прошептала она. – Я сплю и вижу ужасный сон про черную-черную руку, и эта рука...

Закончить известный по пионерлагерному детству анекдот Ольга не успела. Андрей отвернул одеяло и лег рядом с ней – просто лег, как ложился каждый вечер, с тех пор как они стали жить вместе. Но сегодня это обычное событие произошло как-то совсем иначе. Что-то другое, неизвестное произошло с ней самой... Ольга вдруг почувствовала, как по всему ее телу прошла сильная волна. Наверное, она состояла из огня, эта волна, потому что когда она дошла до горла, то стало сухо во рту и губы пересохли тоже.

– Устал и объелся, – сказал Андрей.

Но одновременно с этими простыми и смешными словами он обнял Ольгу так горячо, так страстно, что огонь, неожиданно вспыхнувший у нее внутри, когда он лег рядом с нею в кровать, от его слов разгорелся во сто крат сильнее.

Это был огонь телесного желания – Ольга сразу это поняла. Оно пришло впервые, но его ни с чем было не перепутать.

Оказалось, что такое желание состоит из сплошного бесстыдства. И каким же сладким было это бесстыдство! Ольга торопливо стянула с себя ночную рубашку и бросила ее на пол. Руки у нее при этом дрожали, рубашка путалась, и она еле удержалась от желания не просто стянуть ее, а разорвать на себе.

– Крепче обними... – шепнула она. – Еще крепче! Вот так. И вот так...

Дошептывая эти слова шелестящими от жара губами, она раздвинула ноги и сама обняла ими Андрея. И он тут же обнял ее с той самой силой, с той крепостью желания, которой она и ждала от него. Все его тело напряглось в объёме ее ног и выгнулось от такой же страсти, которая переполняла ее саму.

Впервые их охватывала одна и та же страсть. И каким же это оказалось счастьем!

Андрей всегда был ласков с Ольгой, и близость с ним давно уже не была для нее ни болезненной, ни даже неловкой. Но сейчас, в эту страстную минуту, он забыл о ласках совершенно. Да и она не вспомнила о них.

Они просто вдавились, врезались, ворвались друг в друга, и звук, который рвался при этом из них, как будто из одного общего горла, напоминал скорее рык, чем человеческую речь.

Кажется, они все-таки произносили какие-то слова, то есть хотели что-то сказать друг другу, но делали это лишь по привычке выразить свои чувства словами.

Смысл же того, что они хотели выразить сейчас, не требовал слов – он весь заключался вот в этом их общем порыве, бесстыдном и горячем, в котором они так мгновенно, без ласковых прелюдий, слились и сплелись.

Этот порыв длился очень долго. Они были молоды и полны сил, и страстно любили друг друга.

Но когда их общий порыв все-таки завершился, он не оставил по себе сожаления. И потому, что завершился сильным наслаждением, и потому, что это наслаждение словно бы толкнуло перед собой какую-то дверь. И там, за этой дверью, прежде закрытой, открылось

теперь такое ослепительное пространство нового счастья, что Ольга даже зажмурилась, до того осязаемым был его свет.

А когда она пришла в себя, когда дверь тихо прикрылась перед нею – не совсем, а лишь на время, вот в чем была вся радость! – то она сразу же почувствовала зверский голод.

– Андрюша, я есть хочу, – сказала Ольга. – Нет, правда!

Андрей поцеловал ее и спросил:

– А чему ты так удивляешься?

– Ну... – Ольге было стыдно признаться, что после такого сильного, такого нового счастья она сочла бы естественным какое-нибудь менее примитивное чувство, чем голод. – Мы ведь только что наелись как удавы! – вспомнила она.

– Но мы же после этого потратили всю энергию, – сказал Андрей. – Я, во всяком случае, ее не берег.

И с этими словами он поцеловал Ольгу со знакомой лаской. Нет, не совсем знакомой: и в ласке теперь было что-то другое, новое – отзвук, отблеск, скрытый огонек их общей страсти. И понятно было, что теперь этот огонек будет во всем, что составляет их отношения.

Ольгин взгляд упал на коробочки, громоздящиеся на столе. Они образовывали гору, которая казалась волшебной.

– Сейчас принесу, – сказал Андрей.

Непонятно, как он заметил ее взгляд в темноте. Впрочем, они оба не заметили, как стали думать и чувствовать если не одинаково, то очень схоже; это постепенно произошло за тот год, что они жили вместе.

Что в какой коробочке находится, в темноте было не разглядеть, но свет все равно включать не стали – открывали крышки, разворачивали бумажки, жевали, что под руку попадалось, и все время смеялись. Потом захотелось пить, и Андрей сказал, что сейчас принесет воды. Тогда они еще считали минеральную воду, разлитую в бутылки, приметой то ли праздника, то ли болезни, и он имел в виду, что нальет воды из крана. Но тут обнаружилось, что среди коробочек имеется еще и огромный картонный стакан, закрытый пластиковой крышкой, и он полон колы, из которой еще даже не совсем вышел газ. Они стали пить эту теплую газировку то поочередно, то прямо вместе, соприкасаясь щеками, губами... И от этого ли соприкосновения, от общей ли сладости на губах их вдруг снова охватило такое желание, как будто ничего не было между ними всего десять минут назад.

– Андрюша... – первой проговорила Ольга; собственное бесстыдство было ей сейчас слаще, чем газировка, которой она чуть не захлебнулась. – Андрюша, я тебя хочу страшно. Просто умираю!

Вместо ответа он стал ее целовать, и тут же обнаружилось, что ночную рубашку она ведь так и не надела, и целует он ее поэтому всю – все ее тело открыто ему совершенно.

В то мгновение, когда Андрей снова коснулся поцелуем Ольгиных губ – ей показалось, что в их сладости до сих пор чувствуется покальвание газировки, – она услышала:

– Ну что, нашла ты свой родник в ущелье Ота?

В то мгновение Ольга, кажется, ничего не ответила – вернее, просто ответила на его поцелуй; больше ей ни до чего не было дела. И только потом, когда уже лежали рядом в кровати и дыхание Андрея стало ровным, сонным, она вернулась мыслями к тем его словам и поняла, о каком роднике он говорил.

Андрей всегда следил за тем, что она читает. То есть не следил, конечно, просто ему интересно было, что владеет ее мыслями и чувствами, и он понимал, что книги являются для нее в этом отношении одним из самых сильных источников. И Ольга вспомнила, как недавно, увидев, что она читает «Жизнь» Мопассана, Андрей спросил:

– Зачем ты это читаешь? Думаешь, и у тебя все вот так же в жизни будет?

Ничего такого она не думала. Да ей в кошмарном сне не могло присниться, что у нее может быть такая однообразная, безрадостная, полная разочарований жизнь! Не такой у нее характер, не такой муж, и жизнь ее поэтому не может иметь ничего общего с жизнью Жанны де Во из этого романа. Но родник в ущелье Ота... Ведь именно там Жанна наконец поняла, что такое чувственная страсть. И хотя потом это понимание никак не воплотилось в ее жизни и страсть вскоре иссякла, сменилась горьким разочарованием, но никогда она не забывала, как пила с молодым мужем воду из того родника и как сгорала от желания, которое оказалось сильнее, чем жажда.

Ольга поцеловала спящего Андрея и сразу уснула тоже. Жизнь с ним не обещала ей разочарований.

И жизнь ее не обманула. Спустя двадцать лет он привлек ее к себе таким же нетерпеливым и страстным движением.

Ну да, наверное, все-таки не таким же – привычка не могла ведь не появиться за столько лет в их отношениях, в том числе и в телесных. Но привычка была частью счастья, а не его заменой, в этом состояла их общая тайна, этому удивлялись и, наверное, в большей или меньшей степени завидовали друзья и просто люди, которые их хотя бы мельком знали.

– Андрюшка, – сказала Ольга, – учти, я сонная и вялая.

– Неужели? – усмехнулся он. – А по-моему, ты совсем не против встретить утро вот так вот, а?..

И, еще говоря это, он уже показывал ей, каким именно образом она не против встретить утро. И в общем, он не ошибался, хотя, если бы его не было, ей вряд ли пришли бы в голову – вернее, в тело – чувственные желания.

Ольга была темпераментна, но темперамент у нее был типично женский, то есть не самостоятельный, а ответный; это она знала. И знала – от Андрея, конечно, – что большинство мужчин возбуждает как раз такая вот непервоначальность, ответственность женского желания.

Он и сам относился именно к таким мужчинам. Он был единственным мужчиной, которому она хотела вот так вот отвечать.

Раньше, в молодости, и даже не в первой уже молодости, они были изобретательны в выборе положений, движений – во всех своих фантазиях. Но теперь, когда все уже было ими опробовано, внешние перемены и новости перестали их увлекать. Удовольствие, которое они получали от близости, зависело уже не от выдумки, пусть даже очень раскованной и живой, а от знания себя и друг друга.

Если бы Ольге сказали об этом еще лет десять назад, она удивилась бы и, возможно, даже расстроилась, потому что подобная перспектива показалась бы ей скучной. Но теперь, когда такой род чувственности стал не перспективой, а реальностью, он оказался и сильнее, и многообразнее, чем все множество интимных открытий прежних лет.

Они любили друг друга – смысл этих слов, одновременно физический и душевный смысл, кружил им голову больше, чем удовлетворенная изобретательность.

А вот было ли конечное наслаждение сильнее или слабее теперь, чем в прежние годы, этого Ольга не понимала. Оно просто было, и если с годами не стала слабее любовь, то почему оно должно было уменьшиться?..

– Что ж, утро началось неплохо! – Она засмеялась и поцеловала Андрея в нос. – Хотя, честное слово, я все-таки не думала так его встретить.

– Думать вообще надо гораздо реже, чем мы думаем, – заметил он. – В этом, между прочим, состоит твоя выдающаяся способность.

– В чем? – снова засмеялась Ольга. – В том, что я не думаю?

– В том, что ты умеешь не думать именно тогда, когда и надо не думать, не рассуждать. Ты внутренне свободна, поэтому всегда готова к новому и поэтому неизменно добиваешься успеха. В том числе и в любви.

Представление об успехе в любви все-таки связывалось у Ольги с многочисленными победами над многочисленными же мужчинами. В ее случае ничего подобного не было. Но ведь Андрея она действительно любила, если можно так выразиться, успешно, так что его слова были справедливы.

Глава 4

– Ты знаешь, мне как-то даже жалко расчищать этот сад. – Ольга отцепила подол от огромного репейника и пошла дальше по тропинке, которая едва угадывалась между колючими кустами. – Как ни странно, здесь совершенно не заметно мерзости запустения. Наоборот, обаяние какое-то особенное. Ты чувствуешь?

– Не знаю, – пожал плечами Андрей. – Ну, красиво, конечно. У репейника и цветы вон яркие. Но все-таки я смотрю на эти вещи более рационально. Ты, кстати, зря ходишь тут в босоножках, лучше бы сапоги резиновые обула. А то в запустении и змеи могут водиться.

– Ничего здесь не водится, – махнула рукой Ольга. – Лягушки только.

– Как минимум жабы.

– А в чем разница? – тут же заинтересовалась она.

– За что тебя люблю, Олька, так это за твой неугасающий интерес к жизни, – хмыкнул Андрей. – Уникальная ты женщина! Другие уже и в тридцать лет ничем посторонним не интересуются, только если по работе, да и то через силу. А тебе до сих пор не все равно, чем лягушка от жабы отличается. Не знаю чем, – предупредил он. – Но если тебе это важно, сейчас же посмотрю в Интернете.

– В Интернете я и сама могу посмотреть, – улыбнулась Ольга. – А лет мне, между прочим, не так уж и много, так что интерес к жизни у меня еще вполне естественный.

– Ладно-ладно, не делай вид, будто боишься своего возраста. Я же знаю, что не боишься, потому так спокойно о нем и говорю. Ты гармоничная.

Это была правда. То есть Ольга не задумывалась, гармоничная она или нет, но возраста своего в самом деле не боялась. Она его как-то и не замечала пока. Может, потому что мама с ее старческим неувяданием была перед глазами.

Сад был большой и в самом деле очень запущенный. Там, где дальним своим краем он спускался к речке Нудоли, бурьян вырос чуть не выше яблонь, и только по узкой тропинке можно было пройти к нижней калитке. Андрей открутил проволоку, которой калитка была притянута к забору, и они с Ольгой спустились к воде.

Река текла прямо за забором. Она была неширокая, над ее берегами густыми полукруглыми кронами нависали серебристые ивы, и у самой поверхности воды волновалась длинная темная трава.

С прежних времен уцелели деревянные мостки. Правда, выглядели они не очень надежно, и когда Ольга шагнула на них, то поперечные доски задрожали под ее ногами. Но все-таки мостки были широкие и купаться с них было приятно. Она и купалась каждый раз, когда приезжала на дачу.

– Надо будет как-нибудь осторожно мостки обновить, – сказала Ольга. – А совсем перестраивать, мне кажется, не надо. Опоры вон какие прочные. Это, может, вообще мореный дуб.

– Мореный дуб вряд ли, – заметил Андрей. – Но прочные в самом деле, я смотрел. Не волнуйся, мы ничего здесь зря менять не будем.

В его памяти не было того, что составляло счастливейшие воспоминания Ольгиного детства, – тех похожих на сказки историй, которые мама рассказывала ей про чудесный дом на речке Нудоли, который у них когда-то был. Но Андрей все равно относился к этому вновь появившемуся у них дому и саду с понимающей бережностью.

– Искупаемся? – предложила Ольга.

– Давай, – согласился он.

Конечно, ему в такой речушке купаться было неинтересно. Он любил плавать, здесь же просто негде было сделать даже несколько широких гребков. А Ольга плавала плохо, и ей эта

речка была в самый раз: неглубокая, в любую минуту можно встать на дно. Она даже не столько плохо плавала, сколько – видимо, из-за чрезмерно развитого воображения – впадала в панику, стоило ей представить, что под ней бездна. На морских курортах она из-за этого плавала только вдоль берега, неподалеку от маленьких детей. Ехидная Нинка, когда еще ездила отдыхать с родителями, предлагала ей вообще не лезть в воду, а вместе с братьями по разуму лепить на бережку куличики из мокрого песка.

Андрей прыгнул с мостков первым. Ольга полюбовалась, как он плывет посередине реки – ему поневоле приходилось плыть вдоль, потому что поперек плыть было некуда, – и тоже спустилась в воду.

Да, все в этой Нудоли было как будто специально для нее приспособлено, и даже вкрадчивые прикосновения речной травы были ей приятны. Она доплыла до лилии, которая тихо покачивалась в стороне от мостков, потрогала ее белые лепестки, подумала про Дюймовочку – как та появилась на свет вот точно из такой же лилии – и поплыла обратно.

Андрей уже ждал ее на мостках. Он сидел у самого их края, опустив ноги в воду, и капли воды сверкали на его плечах так радостно и молодо, что Ольге стало радостно тоже. Он помог ей выбраться из речки, она села рядом и тоже стала болтать ногами в воде.

– Чистая какая река, – сказала она. – Правда же?

– Правда.

От бодрости и лени, охвативших ее одновременно, Ольга прикрыла глаза. Но и с закрытыми глазами почувствовала в голосе мужа улыбку. Ему было приятно сидеть рядом с ней над такой хорошей рекой.

– Холодная только, – добавила она. – Здесь ключи совсем рядом бьют. В лесу. Вот если, знаешь, через луг мимо той большой липы пройти и сразу в лес свернуть, то там они и есть. Это очень близко. Потому всегда вода холодная. Зато она бодрит, правда?

– Правда.

Им обоим было очень хорошо сидеть рядом в прекрасном оцепенении бодрости и лени и разговаривать о каких-то счастливых глупостях. Да и не о таких уж глупостях вообще-то.

– Ты знаешь, – сказала Ольга, – я только теперь начала понимать, как мало человеку надо. Нет, не в толстовском смысле – мол, надо только три аршина земли или сколько там, как труп. Это все-таки не так, я думаю. Не участок на кладбище, а речка эта нужна, и этот дом, и эти мостки. Но все-таки множество вещей... Как только их получаешь и получше к ним приглядываешься, то сразу понимаешь, что они... Не то что без них совсем уж можно обойтись – это полезные вещи и приятные. Но они тебе довольно быстро перестают быть интересны. Они оказываются очень исчерпаемы, вот что. Думаешь, это какая-то заумь?

– Не думаю. – Андрей положил ей на плечо руку. – Это всем бы нужно понимать. Вот это, что ты сейчас сказала, – об умеренной необходимости большинства вещей. Это нужно понимать каждому современному человеку.

– Да? – Ольга обрадовалась его одобрению. – А почему?

– Потому что жизнь за последние несколько лет очень сильно переменилась. Появилось слишком много возможностей, и человеческий выбор расширился за пределы разумного. Не у всех, конечно, где-нибудь в Сомали выбирать особо не из чего, добыл миску риса и радуйся. Но для человека, который живет в постиндустриальном мире... Это еще Энди Уорхолл понял. Он как раз и писал, что в постиндустриальном обществе каждый человек должен вырабатывать для себя личную систему самоограничений. Такой индивидуальный кодекс самурая.

– Так глубоко я не думала... – проговорила Ольга.

А Андрей всегда думал вот именно глубоко. Точнее, тонко. Да, он был человеком тонкого ума, это еще мама заметила сразу же, как только познакомилась с будущим зятем.

– Это не такие уж и глубокие мысли, – сказал он. – Они практически лежат на поверхности и уже изложены в большом количестве книг. Откуда я их и почерпнул.

– Нет, я все-таки неправильно тебе сказала. – Ольга отвела ногой водоросли от Андреевой ноги. – Все-таки те вещи, ну, интерес к которым быстро исчерпывается, – я без них все равно ни за что уже не хотела бы обходиться. Без одежды красивой, без машины, которую на каждом перекрестке чинить не надо. А как вспомню суповой набор, из которого полжизни суп приходилось варить, так вообще... Нет, не дай бог опять! А в чем тут дело, где грань между излишним и необходимым, не могу я объяснить. Ну и ладно! – Она шлепнула ступней по воде; брызги разлетелись и весело сверкнули под солнцем. – Все-таки, я думаю, лучше сначала расчистить сад, а потом уже домом заняться.

– Как хочешь, – сказал Андрей. – Но только для дома надо будет кого-нибудь другого нанять. Назим хоть и более толковым оказался, чем можно было ожидать, но все-таки топорно работает.

Ни разу в жизни Ольге не пришлось испытать в разговоре с мужем того тягостного, вернее, муторного ощущения, которое с неизбежностью возникало у нее во многих разговорах на вроде бы умные темы с умными вроде бы собеседниками: ненужности, необязательности высказывания. Правда, в молодости это ощущение появлялось редко – страсть беседы даже с едва знакомыми людьми могла возникнуть буквально из ничего, не иссякать всю ночь и под утро не принести разочарования, даже вернувшись на первый свой круг. Но с годами все чаще стало настигать Ольгу то, что она, понимая приблизительность этого определения, как раз и называла ненужностью или просто скукой разговора. Когда знаешь, что надо высказать свое мнение, и внятно высказать, но одновременно с этим знаешь и то, что высказывать его, по сути, незачем. Ничего не изменится ни в мире, ни в тебе самой от того, что ты сформулируешь свое отношение к каким-нибудь утверждениям дзен-буддизма, например, и формулировать мнение на сей счет тебе поэтому совсем не хочется, и кажется, будто тебе гирию к языку подвесили.

А в разговорах с Андреем подобной тягости она не чувствовала никогда.

– Кстати, о машине, – сказал он. – Ты водить-то научилась уже?

– Какой ты быстрый! – засмеялась Ольга. – Не все же такие толковые, как ты.

При своей внешности интеллигента в очках Андрей действительно с ходу приобретал любые навыки, требующие правильно приставленных рук. Когда-то, в первый год их совместной жизни, Ольга потрясена была тем, что он каким-то загадочным для нее образом понял устройство водопроводных труб, и не только труб, но еще каких-то рычажков, гаек, непонятных соединений – и починил горячую воду в их квартире на Большой Бронной, хотя вся сантехническая система в старом доме была до того запущенная, что не всякий слесарь решался к ней подступиться.

И вторую половину комнаты Андрей оклеил тогда обоями один, и легли они ровно. Ольга подозревала, что его первоначальная неумелость была связана лишь с тем, что он думал совсем не про обои, когда клеил их вместе с молодой женой...

– У меня завтра будет первое вождение с инструктором, – сказала она. – По-моему, я с места не смогу стронуться. Нет, честное слово! Говорят, сцепление плавно выжать – это выше человеческих возможностей.

– Говорят часто глупости, – заметил Андрей. – А сцепление тебе в будущем вряд ли понадобится. Купим тебе машину с автоматической коробкой, и все.

– А какую мы купим мне машину? – сразу воодушевилась Ольга. – Давай красную!

– Давай, – улыбнулся Андрей. – А модель тебя не интересует?

Ольга смутилась. Модель в самом деле интересовала ее меньше, чем цвет будущей машины.

– Ну, что-нибудь красивое, конечно, – сказала она. – И не очень большое.

На очень большую машину ей было жалко денег. Да и необходимости в каком-нибудь могучем джипе не было: подъезд к дачному дому был хороший даже зимой, а в городе такая машина и вовсе, на Ольгин взгляд, была неудобна.

– Пойдем, – сказал Андрей, вставая. – Тешенька, наверное, уже завтрак приготовила. А я от купания так проголодался, что зубы сводит.

Вставая на мостках, Ольга полюбовалась мимоходом на своего голого мужа. Берега Нудоли так заросли ивами и еще какими-то причудливыми деревьями и кустами, что в купальниках и плавках здесь просто не было необходимости. Да и участок при доме был такой большой, что соседей в обозримом пространстве встретиться не могло: у каждого из них были свои сходы к воде.

В полотенцах необходимости не было тоже: Ольгино ситцевое платье так же легко впитывало речную влагу, как и Андреевы льняные брюки. Легкость и удобная простота всей этой дачной одежды нравились ей чрезвычайно.

И то, как долго они идут через свой огромный запущенный сад, как цепляются ее волосы за корявые ветки старых яблонь, как шелестит в густом кусте орешника, растущего на прямой дорожке к дому, какая-то пестрая птица, – все это ей нравилось тоже. Просто очень нравилось!

Глава 5

Говоря мужу, что не сумеет стронуться с места, Ольга несколько не кривила душой. Машина представлялась ей каким-то особенным существом, не живым, но и не мертвым – неуправляемым, вернее, управляемым такими правилами, в которые Ольга не представляла себе как сможет вмешаться.

Видимо, когда она села за руль учебной «девятки», все эти мысли были написаны у нее на лице, потому что инструктор посмотрел на нее с сочувствием.

– Не волнуйтесь, – сказал он. – Рано или поздно все равно научитесь. Все как-то ездят же, почему у вас не получится?

Его слова Ольгу не успокоили. Да она и не очень-то их поняла: сосредоточена была на том, чтобы не перепутать педали тормоза, газа и сцепления.

– Сначала отрегулируйте сиденье, – сказал инструктор; кажется, перед этими словами он обреченно вздохнул. – Так, чтобы вам были видны все зеркала. И дорога впереди. И чтобы просто было удобно.

Ольга не могла вообразить, чтобы ей могло быть удобно на водительском месте, но указание послушно выполнила – поелозила сиденьем вперед-назад.

– Убедитесь, что рычаг на нейтральной передаче. Теперь включайте зажигание, – сказал инструктор. – Поворачивайте ключ, – уточнил он, заметив, что Ольга не поняла, что должна делать. – Ну вот, а теперь плавно выжимайте сцепление.

К собственному удивлению, сцепление она сразу выжала именно так, как следовало, то есть плавно. И перевела рычаг на первую передачу, и нажала на газ... Правда, когда машина тронулась с места, Ольга испугалась. Но на тормоз все-таки не нажала, а поехала вперед.

– Глаза не закрывайте, – сказал инструктор.

– Разве я закрываю глаза? – не глядя на него, спросила Ольга.

– Пока нет. Но лицо у вас такое, как будто вот-вот закроете.

– Я не буду, – пообещала она.

Поездили немного по кругу на площадке, повернули налево, направо... К пятому повороту Ольга почти успокоилась, даже, ей показалось, руль стала крутить довольно лихо.

– Уже хорошо, – сказал инструктор. – Теперь поехали на улицу.

– Как?! – ужаснулась Ольга. – Я по улице не смогу!

– Отлично сможете. – Его голос звучал спокойно. – И у меня ведь дублирующие педали есть, не забывайте. Не бойтесь – вперед.

Как она выехала на улицу, это Ольга сознавала неясно. Сияли в густой синеве вечернего летнего неба купола Новодевичьего монастыря; как всегда это с ней бывало в минуты сосредоточенного испуга, она отметила лишь самую маловажную подробность.

Инструктор попался понимающий – в основном молчал, а если говорил, то его слова звучали толково и как-то обнадеживающе.

– Направо, – говорил он. – Вы не показали поворот. Ничего страшного, покажите, еще не поздно. Отлично. Теперь только прямо. В ближайшее время поворотов не будет.

И поворотов действительно не было. Ольга ехала прямо. Он молчал. Потом он сказал, что сейчас будет поворот налево без стрелки, и его голос прозвучал так просто, что Ольга даже не испугалась этого кошмарного поворота, хотя никогда не могла себе представить, как это можно повернуть налево перед потоком несущихся на тебя машин.

Но повернула же как-то, к собственному изумлению.

– Сегодня ведь суббота, – словно расслышав это изумление не в словах – какие там слова, у нее горло свело от напряжения! – а во всем ее состоянии, сказал инструктор. – Машин не так уж много. Мы приехали, Ольга Евгеньевна. Вы молодец.

Машина стояла у въезда на учебную площадку. Небо в самом деле было прекрасного темно-синего цвета, и купола Новодевичьего в самом деле горели всем своим чистым золотом. Теперь Ольга видела все это ясно, полным взглядом.

– Неужели я правда сама? – улыбаясь глупейшей счастливой улыбкой, проговорила она. – Правда сама проехала по улицам? Мимо всех машин?

– Правда. – Инструктор тоже улыбнулся. – Вы будете отлично водить, и вам это понравится. Поверьте мне.

Он говорил так, что ему в самом деле можно было верить. Ольга впервые разглядела его лицо.

Ему было лет тридцать пять, наверное. Он смотрел на нее и улыбался.

– Спасибо, – сказала она. – Вы так хорошо умеете учить! Как вас зовут?

– Сергей, – ответил он. – Сергей Игнатович.

Это было не отчество, а фамилия. С ударением на «о».

«Красивое имя и красивая фамилия», – чуть не сказала Ольга.

Она была так взволнована, что ей необходимо было сказать глупость. Но все-таки она от этого удержалась и просто улыбнулась этому хорошему человеку. Конечно, хорошему! Разве плохой человек стал бы говорить, что она молодец, просто из-за того, что она проехала полкилометра за рулем?

– Я всегда с вами буду ездить? – спросила Ольга.

– Если во время моей смены записаны.

– Я только к вам буду записываться! – горячо уверила она. – Сейчас сессия, и я по работе могу выбирать. Только к вам!

– Спасибо. – Он снова улыбнулся. Его улыбка не казалась приклеенной к лицу, как кажутся многие улыбки, обращенные к посторонним людям. – Вы в каком институте преподаете?

– В Инязе на Остоженке. То есть он уже Лингвистический университет давно, но я все по привычке – институт да институт.

– Сейчас на работу поедете?

– Да, – кивнула она. – У меня сегодня зачет. То есть не у меня, конечно, а у студентов.

Ей было так легко, так весело, что сердце у нее пело от восторга.

– Давайте я вас отвезу, – предложил он.

– Спасибо, что вы! – воскликнула Ольга. – Я и на метро отлично доеду.

– Зачем же вам ехать на метро? У меня на сегодня работа закончена, и мне совсем не трудно вас подбросить, – сказал он.

Его тон, взгляд, весь его вид были отмечены такой простой доброжелательностью, что возражать было даже как-то неловко.

– Спасибо, – сказала Ольга. – Если вам по дороге – с удовольствием.

Они поменялись местами – он сел за руль.

Поехали по Пироговке, свернули под мост на Зубовской площади. В выходной, да еще летом, улицы в самом деле не были так оживлены, как обычно; пока сидела за рулем, Ольга этого не замечала.

– Как я по Москве буду ездить, все-таки не представляю, – сказала она. – Я ведь, ко всему прочему, и ориентируюсь плохо. И это еще мягко сказано, что плохо. Пространственный идиотизм – так честнее будет.

– Да ведь это ерунда, – сказал Сергей. – Сначала по навигатору будете ездить. А потом и так освоитесь.

Ольга и сама, конечно, собиралась сразу же купить этот волшебный прибор, но все-таки опасалась, что ей и навигатор не поможет. А он сказал об этом со спокойной уверенностью, и

она тоже сразу уверилась в том, что сможет легко ориентироваться на московских улицах. В самом деле, все же ездят как-то!

Ольга благодарно посмотрела на Сергея Игнатовича. Он смотрел на дорогу, но, наверное, почувствовал ее взгляд и тоже взглянул на нее.

– Какая у вас машина? – спросил он.

– Пока никакой, – ответила Ольга. – У мужа «Фольксваген», а какую мне купить, мы пока не знаем.

– Наверное, не решили еще, какой хотите цвет?

Он чуть заметно улыбнулся. Видимо, все дамы, которых он обучал вождению, подходили к выбору машины одинаково.

– Ага, – кивнула Ольга.

– Под цвет глаз выбираете?

– Да нет, все-таки не до такой степени глупости! – засмеялась она. – И к тому же коричневая или серая машина слишком незаметная, а мне с моими выдающимися способностями надо что-нибудь яркое, чтобы все водители издалека меня видели.

– Да ведь у вас глаза не коричневые, – возразил он. – И не серые.

– Ну да, серединка на половинку.

Глаза у нее были какого-то непонятного оттенка, который она и обозначала как смесь серого с коричневым.

– У вас глаза аметистовые.

– Какие?! – поразилась Ольга.

Она никак не ожидала от инструктора по вождению таких поэтических определений! Да и при чем здесь аметист? Ведь он сиреневый, таких и глаз-то не бывает.

– В каталоге «Ниссана» есть такой цвет, – объяснил Сергей. – На первый взгляд и правда кажется серо-коричневым. А присмотришься – аметистом отливает. Красивый цвет.

– Может, «Ниссан» и купить? – сказала Ольга.

Что-то ее смутило в его словах. Хотя интонация была совершенно спокойная – он сказал об аметистовом цвете ее глаз точно таким же тоном, каким советовал ей отрегулировать сиденье.

– «Ниссан» – хорошая машина.

– Мы с вами потом обязательно это обсудим, ладно? – сказала Ольга. – Марку, модель... А то я в этом ничего не понимаю. Приехали, – заметила она. – Быстро как!

Машина остановилась у входа в институт. Каждый раз, приходя на работу, Ольга мимолетно радовалась, что работает именно здесь, в этом красивом старинном особняке. Он был построен для московского генерал-губернатора, но его передали Институту иностранных языков не по реквизиции, а из благотворительных побуждений, еще до революции.

– Приятно в таком здании работать, – сказал Сергей.

Вряд ли он читал ее мысли – скорее красота этого здания рождала их у любого человека.

– Да, – кивнула Ольга. – Спасибо, Сергей. До встречи!

Она вышла из машины, помахала ему рукой и пошла ко входу в особняк.

Как хорошо начинать день с уменья! После утренней езды настроение у Ольги было такое, что хоть на одной ножке прыгай, как в детстве. И погода такая прекрасная, и небо синее, и солнце, и купола те, на Новодевичьем, так радостно сияли... Такие определения не казались ей сейчас стандартными – она словно увидела все это особенным, промытым взглядом. И надо же, всего лишь потому, что научилась чему-то новому... Как все в жизни просто, и как прекрасна эта простота!

Глава 6

Дел сегодня в институте у Ольги было немного. Собственно, одно только дело и было: принять зачет по спецкурсу, который она весь год читала у четверокурсников.

Вообще-то Ольга преподавала французский язык, то есть лекций не читала, а только вела практические занятия. Но этот небольшой лекционный спецкурс был ее собственным изобретением и предметом ее гордости. Она и материал для него подобрала совсем новый, и убедила декана поставить его в учебный план.

Лекции были посвящены переводам, которые были сделаны русскими поэтами XX века. Но это была лишь внешняя канва, внутренним же стержнем, ради которого Ольга эти лекции и затеяла, была возможность посмотреть на поэзию иначе, чем это удается и обычному читателю, и литературоведу, – как будто через магический кристалл. Ольге казалось, что переводы таким кристаллом как раз и являются и что, наблюдая, как переводили стихи Пастернак, Цветаева, Ходасевич, можно понять в этих поэтах что-то такое, чего иначе понять нельзя.

В общем, когда она прочитала этот спецкурс впервые, то сделала это просто с упоением. И даже теперь, пять лет спустя, это занятие не стало для нее рутинным.

Ольга приехала вовремя, но студенты уже толпились возле аудитории, в которой был назначен зачет.

– Что это вы сегодня такие пунктуальные? – удивилась она.

– Так футбол сегодня, Ольга Евгеньевна! – весело ответил Дима Мальцев, самый разбитной четверокурсник. – Наши с Аргентиной играют. Вот сдадим зачет – и в спортбар.

– Вы еще сдайте сначала, – хмыкнула Ольга. – А где играют, в Аргентине? – поинтересовалась она.

К футболу Ольга была равнодушна, но, если матчи проходили в Москве, старалась оставаться дома – из-за диких футбольных фанатов, которые неистовствовали в центре независимо от выигрыша или проигрыша обожаемой команды.

– У нас играют, в Лужниках, – ответил Дима. – Но это еще не скоро, не волнуйтесь, Ольга Евгеньевна.

– Ладно, о футболе забудем на время, – сказала Ольга. – Заходите в аудиторию.

Группа, у которой она принимала зачет, понравилась ей еще с момента поступления, когда она начала вести в этой группе французский язык. А теперь, к четвертому курсу, эти ребята стали еще интереснее, глубже. Они читали, они думали, у них была какая-то внутренняя жизнь, и приметы этой жизни, которые Ольга могла наблюдать, казались ей содержательными.

И даже когда они просто отвечали по билетам – не все, конечно, но некоторые, – разговаривать с ними ей было интересно.

Диме достался вопрос о переводах Иннокентия Анненского. Отвечал он бойко, и Ольга уже хотела его остановить, когда он вдруг сказал:

– А все-таки, Ольга Евгеньевна, мне непонятно: хороший Анненский переводчик или плохой?

– Почему же тебе это непонятно, Дима? – улыбнулась Ольга.

– Потому что Бодлера, например, он так перевел, что ни одного слова от него не оставил. Что сам захотел, то и написал. Зачем тогда переводить? Пиши свое. Или, например, когда Еврипида переводил, вы же сами говорили, то такие понятия ввел, которых в Античности и близко не было.

– Какие же, например?

На этот раз Ольга сдержала улыбку. Она видела, что Диму все это почему-то волнует. В нем вообще чувствовался тот прекрасный юношеский трепет, который, как принято было думать, в современной молодежи отсутствовал напрочь.

– Например, совесть. Или еще – раскаяние. Это же все позже появилось, с христианством. А когда Еврипид писал, никаких таких понятий не было!

– Не понятий, Дима, – сказала Ольга. – Слов таких не было. А понятия, я думаю, были. Вряд ли люди так разительно облагородились с появлением христианства, что у них вдруг совесть появилась. Она просто стала ими осознаваться. То есть название для нее нашлось, определение. Да, оно появилось позже, чем Еврипид писал свои трагедии. Но у кого совесть в принципе была, тот и без специальных терминов знал о ее существовании.

– Но все-таки ведь Анненский от себя про совесть написал, – упрямо не соглашался Дима. – В оригинале этого слова нет. И, может, Еврипид совсем другое что-нибудь имел в виду.

– Просто Анненский понимал, что имел в виду Еврипид, – сказала Ольга. – И хотел, чтобы его читатель тоже это понимал. Независимо от времени. А я, когда рассказывала вам об этом, тоже хотела, чтобы вы понимали, что так переводить возможно. Не обязательно переводить именно так, но это возможно. Потому что это лежит в области искусства.

– Ну, я понимаю вообще-то... – проговорил Дима. – Но все-таки как Гумилев переводил, мне больше нравится. Точно, ясно.

«Просто тебе сам Гумилев больше нравится, – подумала Ольга. – Рыцарь без страха и упрека».

Ей приятно было об этом думать. На душе у нее было легко и хорошо, и ей приятно было думать, что есть на свете мальчики, которых волнует, правильно ли переведен Еврипид, и которым нравится рыцарственная прямота Николая Гумилева.

Все это было частью того душевного согласия, в котором проходила ее жизнь. Кому-то могло показаться однообразным такое течение жизни, но Ольга знала ему цену. Точнее, понимала его бесценность.

– Иди, Дима, – сказала она. – Материал ты знаешь. А прав Анненский или не прав, когда так уязвимо напоминает о совести, это ты со временем сам решишь.

Зачет Ольга приняла довольно быстро, но, как это часто бывало, сразу же нашлись дела, из-за которых ей пришлось задержаться в институте сначала на час, потом еще на час и еще.

Новая и до невозможности бестолковая кафедральная лаборантка Наташа потеряла папку с рецензиями на прошлогодние курсовые работы, из-за этого в личных делах пятикурсников не хватало документов, им не хотели выдавать дипломы, и Ольге пришлось искать папку вместе с Наташей, а когда папка нашлась, то нескольких рецензий в ней почему-то не обнаружилось, и пришлось их восстанавливать.

Пришел завкафедрой и сообщил, что просит Ольгу присутствовать на ученом совете, так как он подозревает, что будут внесены какие-то посторонние и бессмысленные предложения по учебному плану их кафедры, а он против, и, разумеется, в случае чего выступит против, но было бы очень неплохо, если бы в этом самом случае аргументов было побольше... Конечно, Ольга осталась на ученый совет, хотя, как выяснилось, зря, потому что никаких таких предложений внесено не было.

В общем, из института она вышла ближе к вечеру в состоянии чуть досадливой усталости. Ольга была совсем не против обыденности, но только тогда, когда обыденность имела осмысленные формы или хотя бы цели. Тратить же время на повседневные дела, которые изначально выглядели пустыми, казалось ей глупым.

Андрей позвонил, когда она только что перешла с Остоженки на Пречистенку.

– Что случилось? – спросил он.

Ольга поразила его прозорливости. Правда, ничего особенного с ней не случилось, но как же он догадался, что она досадует на так бездарно проведенные полдня?

– Ничего не случилось, – ответила она. – Уже иду домой.

– Здрасьте! – возмутился он. – Я ее полчаса возле книжного жду, а она, оказывается, еще домой решила зайти! Ты что, переодеваться собралась?

– Господи! – ахнула Ольга. – А я...

– Что – ты?

– Ничего! Уже бегу, Андрюша! Там в книжном кафе хорошее, ты пока зайди, кофе выпей. Я через полчаса буду!

– Да уж разберусь как-нибудь, что мне делать, – проворчал муж, впрочем, без раздражения, так, для порядка. – Не переодевайся, Олька, ты и так прилично выглядишь.

«Надо же быть такой дурой! – думала Ольга, стоя у обочины бульвара на Пречистенке. – Как я могла забыть?»

О том, что они с Андреем сегодня идут в Консерваторию, она в самом деле забыла напрочь. Хотя инициатива похода, как обычно, принадлежала ей: Андрей был не то чтобы совсем равнодушен к музыке, но легко довольствовался тем, как она звучала дома, на хорошей аппаратуре, и поэтому не чувствовал потребности ходить на концерты. А Ольга любила не только саму музыку, но тот трепет, которым она наполняла предназначенный для нее зал. Этот трепет, хотя Ольга и стеснялась подобных слов, казался ей волшебным, и именно ради него она ходила в Консерваторию.

И вот пожалуйста – забыла!

Вдобавок они договорились встретиться за час до концерта, чтобы побродить этот час по книжному магазину на Никитском бульваре. Они делали такие вот набегии на книжные примерно раз в месяц, и это доставляло обоим просто-таки физическое удовольствие. И хождение вдоль стеллажей, и разговоры с продавщицами, которые в книжных магазинах все, как на подбор, были умненькие и приветливые, и множество незнакомых интеллигентных людей вокруг, и, главное, радостное сознание того, что они на целый месяц обеспечены хорошим чтением и что жизнь их от этого приобретает осмысленный и приятный облик.

Как назло, ни одна машина не желала останавливаться, чтобы подвезти опаздывающую женщину до Никитского бульвара. В центре вообще стало трудно поймать машину: гастарбайтеры, промышленяющие на «джихад-такси», ездить вблизи Кремля опасались, хозяева дорогих лимузинов и даже их шоферы не стремились подработать частным извозом, а официальные таксисты туда-сюда впустую не разъезжали – лениво дежурили возле многочисленных бутиков и ресторанов Тверской и требовали за поездку от «Националя» до Пушкинской площади столько, сколько по совести должна была бы стоять дорога куда-нибудь в аэропорт.

«Честное слово, научусь машину водить! – сердито пообещала себе Ольга. – И научусь, и буду!»

В конце концов ее все-таки подхватила какая-то юркая облезлая машинка, водитель которой, похоже, просто маялся бездельем в выходной день и не прочь был завести знакомство. В этом своем желании он, правда, был не слишком навязчив и до Никитского бульвара довез Ольгу быстро.

Андрея она нашла в кафе. Он сидел за столиком у окна и наблюдал за хорошенькой блондинкой, болтающей по телефону на улице, в шаге от него. Вид у него при этом был такой сосредоточенно-изучающий, словно блондинке, довольно, кстати, вульгарной, предстояло сделаться объектом исследования его психологической лаборатории. Ольга несколько секунд постояла у входа в кафе, глядя на мужа, а потом засмеялась и подошла к нему.

– Девушку изучаешь? – спросила она.

Андрей вздрогнул.

– Вечно ты подкрадываешься! – сказал он. – Да, интересно. Она только что здесь, в кафе, сидела. И тоже по телефону разговаривала. Про карвинг. Это что такое, не знаешь? Я так понял, что-то вроде химзавивки. И мне вот интересно, она и сейчас про него разговаривает или уже про что-то более осмысленное?

– Сейчас она разговаривает про мелирование, – сказала Ольга. – Я когда мимо нее проходила, то слышала. Такая же у него технология, как у колорирования, или другая.

– Интересно... – проговорил Андрей.

– Что тебе интересно? – еле сдерживая смех, спросила Ольга.

– Какая-то другая жизнь... Совершенно мне непонятная.

– Ну и бог с ней! – Ольга наконец засмеялась. – Вот прямо полжизни ты потерял из-за того, что не знаешь, чем мелирование от колорирования отличается!

– Нет, это другое... Да ладно, в самом деле! Ну что, пойдём или кофе выпьешь?

Кофе Ольга вообще-то выпила бы, но ей жаль было задерживать мужа. И так он уже от ожидания изныл, цепляясь вниманием за всякие случайные глупости.

В магазине Андрей сразу отправился в отдел мемуаров – сказал, что хочет посмотреть книгу о режиссере Таирове, которую написал Михаил Левитин. У Левитина в театре «Эрмитаж» они бывали часто, и поэтому книга была Андрею любопытна, хотя вообще-то о Таирове он только слышал, как что-нибудь слышал о нем едва ли не каждый человек, время от времени бывающий в театре, а специально никогда им не интересовался.

Ольга осталась в зале художественной литературы. Ей вообще больше нравилось бывать в книжном мире одной – она сразу впадала в такое странное состояние рассеянности и сосредоточенности, в котором не хотелось разговаривать даже с мужем.

Она шла вдоль стеллажей, брала в руки книги, просматривала, ставила обратно... Пока ей не попалось ничего такого, что остановило бы внимание, но времени до концерта оставалось еще достаточно, а Ольге так нравилось само это движение вдоль сплошного книжного потока, что она не торопилась.

Отдел художественной литературы примыкал к отделу технической; Ольга чуть не забрела туда. Народу там было немного: видимо, в субботу люди отдыхали от своих профессий. Возле полки с какими-то фундаментально выглядящими книгами стояла только одна пожилая пара и что-то увлеченно обсуждала.

Ольга прислушалась к этому разговору машинально, так, как привыкла она прислушиваться ко всем разговорам в книжных магазинах, ведь они велись не втайне и всегда бывали интересны. Но из разговора этих немолодых мужчины и женщины она не поняла ни слова: он сплошь состоял из технических терминов.

Она уже хотела вернуться к своим стеллажам, но тут что-то в беседе интеллигентных старичков задержало ее внимание. Она даже не сразу догадалась, что именно, а когда догадалась, то замерла, не столько прислушиваясь, сколько приглядываясь к ним.

Ее поразил даже не смысл – его она не понимала, – а тон их разговора, тот живой интерес, который ясно чувствовался в нем. Сначала ей показалось, что интерес этот относится к теме, то есть к книге, которую они рассматривали вдвоем. Но потом она заметила, что книга была лишь поводом, хотя, наверное, и веским поводом, а интерес был связан с тем, что старички разговаривали не с кем-то вообще, а именно друг с другом.

«Это что такое?» – с недоумением, даже с некоторой оторопью подумала Ольга.

Это была та живость чувств, которая не имеет ничего общего ни со старческой сентиментальностью, ни тем более с привычкой. В каждом слове, в каждом взгляде, обращенном друг к другу, чувствовалась такая свежесть, которую встретишь не у всякой молодой парочки из тех, что целуются в метро на эскалаторе.

– Ну как, нашла что-нибудь?

Голос Андрея прозвучал неожиданно. Обернувшись, Ольга увидела, что тележка, которую он катит перед собой, уже полна книг.

– Ого, сколько! – сказала она. – А я ничего пока не нашла. На парочку вон на ту засмотрелась, – понизив голос, добавила она.

– А что в них такого особенного? – удивился Андрей. Но, присмотревшись к старичкам, которые не обращали ни на него, ни на Ольгу ни малейшего внимания, сразу сказал: – А!.. Понятно.

– Что тебе понятно?

Ольге было интересно, что именно увидел он в них и какие выводы сделал.

– Пойдем, пойдем, – сказал Андрей. – Нам в технической литературе вроде бы делать нечего. – И добавил вполголоса: – Что понятно, потом расскажу.

По дороге к кассе Ольга все же захватила несколько книг и для себя – она с удовольствием читала детективы, к которым Андрей был равнодушен.

Они вышли на улицу.

– Я не удивилась бы, если бы это были типичные старосветские помещики, – сказала Ольга, зная, что Андрей поймет, о ком она говорит. – Пульхерия Ивановна и Афанасий Иванович нежно, тихонько, привычно, по-стариковски любят друг друга, это понятно. Но эти... Мне, знаешь, сначала показалось, что они молодожены. А потом присмотрелась – явно нет. И все равно, такая живость между ними... Удивительно!

– Да ничего удивительного, – пожал плечами Андрей. – Так и должно быть.

– Как – так?

– Любовь и должна длиться очень долго. Это влюбленность сходит легко, как позолота.

– Попробуй одно от другого отличи, – улыбнулась Ольга. – Позолота знаешь какая бывает правдоподобная!

– Ну, насчет технологических особенностей позолоты я не знаю, а влюбленность отличить можно: это отождествление себя с объектом, – сказал Андрей.

Ольга улыбнулась: он произнес это таким лекционным тоном, как будто объяснял первокурснице основы своей психологической науки. Как она любила этот тон, за которым скрывалась тонкость чувств ее мужа!

– А любовь? – спросила она.

– А любовь, как я уже сказал, и должна длиться долго, – повторил Андрей. – Длительность заложена в самой ее сути. Если вернуться к технологическим сравнениям, то она – как хорошая кирпичная кладка, которая с годами крепнет. Но любовь может быть длительной только у тех людей, которые способны к творчеству. По своей профессии такие люди с творчеством могут быть совершенно не связаны, вот как эти старички, они ведь, похоже, технари. Творчество, о котором я говорю, есть скорее способность к постоянному саморазвитию. Те люди, которые такой способностью обладают, как раз и могут бесконечно находить в любви новые грани и нюансы. Те же, кто творческой способности лишены, для поддержки в себе чувств нуждаются в постоянных сменах объекта. Это непонятно? – поинтересовался он.

– Это понятно, – улыбнулась Ольга. – Только вот в жизни редко встречается.

– Да почему же редко? – пожал плечами Андрей. – Наши с тобой отношения – самый простой пример такой вот кирпичной кладки.

– Технолог ты мой! – засмеялась Ольга. Она приподнялась на цыпочки – Андрей был гораздо выше ее ростом – и поцеловала его в висок. – Ты прав, как всегда. Пойдем, а то на концерт опоздаем.

Уже в зале, когда зазвучала музыка – исполняли Моцарта, – эти слова снова всплыли в ее легко клубящемся сознании.

«Кирпичная кладка... – подумала она. – С годами крепнет... Да, правда. Как хорошо!»

Глава 7

В июле в Москве установилась такая жара, что не только подростки, но даже взрослые купались в фонтанах, и милиция взирала на это с разморенной снисходительностью.

Ольга считала уже не дни, а часы до каждой поездки в Тавельцево. Конечно, было бы лучше совсем перебраться туда, хотя бы на время жары, но это не получалось ни у нее, ни у Андрея: в вазах началась вступительная эпопея, и оба они были в ней задействованы.

В вынужденном городском сидении хорошо было лишь то, что Ольга усиленно училась водить машину. Теперь она ходила на занятия каждый день. Попасть к Сергею Игнатовичу удавалось при таком плотном графике не всегда, но и другие инструкторы оказались не хуже. Все они говорили, что Ольга делает успехи, да она и сама это замечала.

– Вы делаете успехи, – сказал и Игнатович после очередного занятия с нею.

Они уже наездили по городу и вернулись к учебной площадке. Кондиционера в машине не было, а открытые окна лишь впускали в нее жару, но Ольга была так рада своим успехам, что не замечала этого. Да и общение с Сергеем неизменно поднимало ей настроение. Без видимых причин, наверное, просто из-за устойчивости и надежности, которые, Ольга чувствовала, от него исходили.

– Спасибо, – улыбнулась она. – Это ваша заслуга.

– Все-таки в первую очередь ваша.

Он был немногословен, но это тоже входило в понятие надежности, а потому Ольге нравилось. Учиться водить машину под руководством человека, который производит ненадежное впечатление, было бы неприятно.

– У меня даже азарт какой-то появился, – сказала она. – Хотя вообще-то я совсем не азартна.

Ольга была не только не азартна – она не склонна была откровенничать с малознакомыми людьми. Но этот молчаливый инструктор с первого же занятия вызвал у нее доверие, да и благодарность. Что бы он ни говорил, а она связывала свои успехи именно с его педагогическим талантом.

– Я тоже не азартный, – сказал он.

– Да про вас такого и не подумаешь.

– Почему?

– Вы и азарт – это, мне кажется, несовместимо. Извините, – спохватилась она.

– За что?

Он улыбнулся той своей улыбкой, которая, Ольга еще в первый день заметила, не меняла выражения его глаз.

– Ну... Людям обычно неприятно, чтобы их оценивали посторонние. Им тогда кажется, что за ними наблюдают исподтишка.

– А вы не наблюдаете?

– За вами? Нет! – засмеялась Ольга. – Я сажу, вцепившись в руль, и вижу перед собой только дорогу, дорожные знаки и все эти приборы и ручки.

Она положила руку на рычаг переключения передач и посмотрела на Сергея. Он смотрел на ее руку. Ольге вдруг показалось, что он коснулся ее. Это было странно, и она смутилась. Но необычное ощущение тут же исчезло. В Сергее Игнатовиче совсем не было того внутреннего дребезжания, которое она сразу чувствовала в нервных людях, и поэтому его взгляд не мог вызывать тревогу.

– Ведь мы закончили? – спросила она.

Ольга не услышала в этом своем вопросе уверенности, хотя еще минуту назад была вот именно уверена, что занятие окончено, и собиралась выйти из машины.

Игнатович ответил:

– Да.

Почти невозможно было расслышать перед его ответом паузу – размышления, колебания? – но Ольга все-таки расслышала.

– Но если вы хотите, можем позаниматься еще немного, – тут же произнес он. – На площадке. У вас параллельная парковка не очень уверенно получается. А менты на экзамене всех женщин заставляют ее делать.

– Почему именно женщин? – удивилась Ольга.

Интерес вытеснил то краткое смущение, которого она почти и не успела ощутить.

– Потому что ее все женщины плохо осваивают. Ну а ментам, сами понимаете, только этого и надо.

– Конечно, позанимаемся на площадке, – кивнула Ольга.

Они въехали на учебную площадку, возле которой всегда начинались и заканчивались занятия. Ольга рулила по ней уже довольно умело. Но парковка, вот эта самая, параллельная, действительно давалась ей плохо. Правда, арка, ведущая в их двор, была перекрыта воротами, поэтому посторонние туда не въезжали и машинам жильцов хватало места даже с избытком, так что ей вроде бы не предстояло в будущем втискиваться в узенькие промежутки между чужими машинами. Но технику парковки все равно следовало освоить, это понятно. Хотя бы для того, чтобы получить права; Ольга вовсе не собиралась их покупать.

На площадке Сергей сначала вышел из машины и, стоя сзади, знаками показывал Ольге, подавать ей еще вглубь или уже останавливаться. Но потом он открыл дверцу и, заглянув в машину, сказал:

– Теперь давайте самостоятельно. Иначе никогда не научитесь. Не бойтесь, я буду рядом.

И снова что-то странное почудилось ей в этих его словах. Хотя он, безусловно, имел в виду лишь самое простое – что у него, как у инструктора, имеются дублирующие педали, и поэтому ученица может не беспокоиться.

Сергей сел в машину. Ольга снова и снова въезжала на обозначенный разметкой пятячок для парковки, но каждый раз все-таки пересекала эту разметку, и безжалостный Игнатович просил ее повторять заезд. Она безропотно делала еще один круг по площадке и снова принималась парковаться.

– Все! – наконец взмолилась Ольга. – Сергей, сил моих больше нет! Давайте отдохнем хоть пять минут. А то у меня уже глаза наперекосьяк, все равно правильно сейчас не припаркуюсь.

– Глаза наперекосьяк? – Он повернулся к ней и взгляделся в ее глаза. – Да вроде бы нет. Ну, отдохайте.

Ольга хотела выйти из машины, чтобы хоть немного размяться – от того, что она сидела, вцепившись в руль, и пристально глядявалась в зеркала, у нее затекли руки и шея, – но сделать это ей не удалось.

За окнами вдруг словно бы встала пелена тумана. Ольга даже не сразу поняла, что случилось, и только мгновение спустя сообразила, что это не туман, а дождь. Он обрушился сверху сплошной завесой, и эта завеса не шумела даже, как всегда шумит завеса дождя, а гудела, будто водопад. Когда Ольга была с Андреем в Америке, именно так гудела Ниагара, которую они ездили смотреть.

– Ничего себе! – воскликнула она. – Только что ведь солнце светило!

– Нет, – сказал Сергей. – Давно уже тучи собираются. Просто вы на парковке сосредоточились, вот и не заметили, – улыбнулся он.

Ольга опустила оконное стекло и выглянула было наружу, но в лицо ей сразу же плеснуло холодной водой, и она зажмурилась, как кошка, не вовремя высунувшаяся с дачного крыльца. У них на даче недавно поселилась такая кошка, до невозможности чистоплотная и осторожная;

мама назвала ее Агнессой. На дождь Агнесса смотрела с такой брезгливостью, будто он лично ее оскорблял.

– Ого! – весело сказала Ольга, поскорее поднимая стекло. – Носа не высунуть.

– Скоро кончится, – сказал Сергей. – Минут через десять. Это же летний дождь.

Капли летнего дождя так приятно охладили лицо, что Ольга не стала их вытирать.

– Придется нам с вами в машине посидеть, – сказала она. – Дождь и правда ведь, наверное, ненадолго. Вы как, ничего?

Веселость, которой она не могла сдержать, беспечная и в общем беспричинная, наверное, передалась и Сергею. Он снова улыбнулся, что было ему вообще-то совсем не свойственно.

– Я ничего, – сказал он.

– Если хотите, я что-нибудь расскажу, – предложила Ольга. – Чтобы вам не скучно было. Это же из-за меня вы тут застряли. Из-за моей параллельной парковки. Или, если хотите, то вы что-нибудь расскажите.

– Расскажите вы, – сказал Сергей.

– Что же вам рассказать? – задумчиво проговорила Ольга. – Про вступительные экзамены, может? Нет, это не очень интересно... А, вот что! – вдруг вспомнила она. – Довольно непонятная история.

История эта пришла ей на память не случайно: она произвела на Ольгу сильное впечатление, и природа этого впечатления в самом деле была ей не совсем понятна, а потому история все никак не шла у нее из головы, хотя произошла уже довольно давно, с месяц назад, наверное.

– У нас дача в Тавельцеве, – начала Ольга. – Это под Клином, может быть, вы слышали.

– Слышал, – кивнул Сергей. – У меня бабка с дедом рядом жили, в Чудцеве. Я к ним мальчишкой каждое лето приезжал. Дом и сейчас там стоит.

– Да? – почему-то обрадовалась Ольга. – Ну тогда вы знаете, какие это места. Но в Чудцеве, кажется, речки нет, а у нас дом на речке стоит, на Нудоли. Прямо на берегу. И у всех домов, которые с нами рядом, тоже сады к речке спускаются. А через речку, от нас неподалеку, был мостик. Небольшой такой, речка ведь неширокая. По нему все в магазин ходили. И вот он сломался. Опоры сломались, они старые были, а настил уже потом течением снесло. Все думали, мостик через неделю-другую заново сделают, ну, должен же кто-то этим заниматься, сельсовет, что ли, или как это теперь называется – администрация. Даже ходили туда вроде бы. Но там вроде бы сказали, что починят этот мостик после дождичка в четверг, потому что в километре от нас есть нормальный шоссейный мост, а этот, оказывается, был какой-то самодельный, и никто за него не отвечает. Ну, предположим, нам не трудно и на машине в магазин съездить, по шоссейному мосту, но не у всех ведь машины. Справа от нас, например, три старушки живут, сестры, они, как только на пенсию вышли, то на даче и поселились. И машины у них нет, и на велосипеде они ездить не могут. В общем, им без этого мостика совершенно невозможно, да и остальным стало очень неудобно.

Ольга посмотрела на Сергея – не слишком ли подробно она рассказывает, не скучно ли ему? Он смотрел на нее так внимательно, словно она говорила что-то неизмеримо важное; она даже смутилась от того, как прямо он смотрел ей в глаза. У него глаза были необыкновенного зеленого цвета – она только сейчас заметила.

– Ну вот, – отводя взгляд, продолжила Ольга, – мостик, конечно, сделать не очень дорого, но ведь надо деньги собрать, стройматериалы купить, рабочих нанять, проследить за ними. Кто этим будет заниматься? Ни времени ни у кого, ни желания. Я уже думала, придется все-таки нам за это браться, и вдруг в выходные вижу – сосед делает. Никого не нанял – сам. И опоры уже вбил, и доски привез для настила. Когда мой муж вечером приехал, уже все готово было.

Дождь лил не переставая. За окнами по-прежнему стояла белая гудящая стена. Ольга вспомнила, что в тот день, когда сосед Александр Венедиктович построил мостик через Нудоль, тоже лил дождь, но только с утра, а потом прекратился. Распахнув окно на втором

этаже, чтобы вдохнуть запах мокрых деревьев, она увидела у реки соседа, но не могла понять, что это он делает. Александр Венедиктович ходил вдоль берега между своим домом и домом трех сестер, отмерял шагами расстояние, вбивал какие-то колышки... То есть тогда Ольга еще не знала, что его зовут Александром Венедиктовичем. И что до пенсии он работал инженером космических ракет с самим Королевым, тоже не знала. Она просто видела в окно кряжистого пожилого мужчину в штормовке и только по этой штормовке догадывалась, что он, наверное, дачник, а не деревенский, потому что деревенские носили обычно если не ватники, то камуфляж. Да и походка у него была какая-то не деревенская, хотя, чем деревенская походка отличается от городской, она объяснить не смогла бы. А жил он ровно на стыке деревенской и дачной улиц, так что по этому признаку его тоже было не отличить.

Да, в тот день тоже лил дождь. И еще тот день был похож вот на этот, сегодняшней, радостью, которой они оба были отмечены в Ольгином сознании.

– Знаете, как сосед этот мостик сделал? – Она снова взглянула на Сергея.

И замолчала. Ей хотелось, чтобы он произнес хотя бы слово. Слишком внимательно он ее слушал, это вызывало у нее непонятное смущение.

– Как? – словно услышав ее желание, спросил он.

Его голос был такой же прямой, как и взгляд; она успокоилась.

– Как раз напротив дома трех сестер, – сказала Ольга. – Тех старушек. Это непонятно, да?

– Почему? – пожал плечами он. – Все понятно.

– Вот! – радостно воскликнула Ольга. – Мне тоже кажется, что это очень даже понятно. И вполне естественно. Но не для всех, оказывается.

Она вспомнила следующий день после того, в который был построен мостик. Андрей уехал в воскресенье утром, чтобы миновать вечерние пробки на въезде в Москву, а у нее понедельник был свободен, и она осталась еще на день. И пошла гулять к реке, но не по своему саду, а по лугу, так, чтобы рассмотреть вблизи новый мостик.

И об этом она тоже рассказывала Сергею теперь, когда они сидели с ним в тесноте кабины, отделенные от всего мира стеной сплошного дождя.

– Если бы со мной разговаривал марсианин, то я, наверное, поняла бы его лучше, – сказала Ольга. – Или, во всяком случае, лучше сумела бы ему объяснить, как все есть на самом деле. А этому я ничего объяснить не могла.

«Этому» – означало еще одному соседу, не Александру Венедиктовичу, а другому. Этот сосед жил в первом доме на деревенской улице.

Когда Ольга вышла через луг к новому мостику, он уже был там – стоял на берегу, выбирая сеть.

– Здравствуйте, – сказала Ольга. – Я думала, здесь рыбы совсем нету. Муж ловил, но ничего, кроме двух плотвичек, не поймал.

– Так он, наверно, на удочку ловил, – не здороваясь и не отрываясь от своего занятия, сказал сосед.

Он был одет как раз в камуфляж, новенький. Ольга не понимала, почему местным жителям так нравится это одеяние, на ее взгляд, отвратительное.

– На удочку, – подтвердила она.

Ей было неловко разговаривать с человеком, который стоит к ней спиной, но его это, похоже, ничуть не беспокоило.

– На удочку ловить – задаром время терять, – сказал он. – Сетью надо. Или глушануть. Раньше-то не так было. Мы мальцами много рыбы ловили.

Он наконец обернулся. Его широкое лицо было гладким, без единой морщины, хотя он был уже немолод, лет семидесяти, наверное. Такой явный признак здоровья на его лице выглядел почему-то неприятно. Он широко улыбнулся. Зубы у него тоже были здоровые, ровные.

– Да... – не зная, что сказать, проговорила Ольга. – А я мостик пришла посмотреть.

– Мостик? Потеха, ё... – Он матюкнулся мимоходом, беззлобно, и снова улыбнулся.

– Почему потеха? – удивилась Ольга.

Мат, которым большинство людей, и не только в деревне, не ругались даже, а просто разговаривали, до сих пор резал ей уши. Если бы собеседник был студентом, она одернула бы его. Но одергивать взрослого постороннего человека было все-таки неудобно.

– Так дурак делал потому что, – улыбаясь, объяснил сосед. – Я в окно смотрел – оборжался. Сначала вроде напротив своего дома затевал. Потом, вижу, в сторонке начал вымерять. А после и совсем вбок отодвинулся. Через три часа глянул, а он уже черт знает где опоры вбивает! Ну не дурак?

– Но почему? – все еще не понимала Ольга.

Сосед посмотрел на нее с сожалением, как на неразумное дитя.

– Сам же он мостик-то оплатил, – чуть не на пальцах показывая, объяснил он. – Своими деньгами. А сделал где? До своего дома метров сто берегом! А берег-то глянь как зарос, ни пройти, ни проехать. Покуда он до мостика доберется, семь потов с его сойдет. А зимой? Говорю же, дурак, – махнул рукой он.

– Но он же напротив другого дома сделал! – воскликнула Ольга. И уточнила, думая, что сосед не понимает: – Напротив старушек.

Тот взглянул на нее с искренним недоумением:

– А старухи при чем? Они что, деньги ему давали?

– Он действительно не понимал, о чем я говорю, – глядя на залитое дождем лобовое стекло, сказала Ольга. – Это было так странно!

– Почему же странно? – спросил Сергей.

– Потому что мы с ним как будто бы говорили на разных языках. Нет, даже не так: он как будто бы видел какой-то другой мир, не такой, как я, вот что меня поразило. Да, именно так! – Ольга только сейчас поняла, что же поразило ее тогда, и обрадовалась этой наконец пришедшей догадке. – Он видел только, что сосед почему-то сделал мостик далеко от своего дома, но что он сделал его рядом с домом старушек, для него как будто бы и не существовало. Как будто бы он этого дома трех сестер просто не видел.

– Конечно, не видел, – сказал Сергей. – Выше лба глаза ведь не растут.

– Что-что? – переспросила Ольга.

– Каждый видит только то, на что ума у него хватает, – объяснил он.

Это было сказано так точно, что Ольга засмеялась.

– Не обижайтесь, Сергей, – тут же спохватилась она. – Я потому смеюсь, что вы мне в трех словах все объяснили. А ведь я действительно не могла понять, в чем тут дело, почему он не видит то, что я вижу. Потому что он деревенский, а я городская? Да нет, я в себе этого снобизма не ощущаю... А оказывается, потому что каждый и видит только то, что способен понять. Выше лба глаза не растут! Это правда.

Она смотрела на Сергея так, будто увидела впервые. Конечно, из-за этих его точных слов – они словно осветили не лицо его даже, а весь облик каким-то новым светом. Этот свет делал отчетливыми и твердый абрис скул, и неожиданно тонкий изгиб губ, и необычность зеленых глаз... Ясность и простота его облика были так хороши, что от одного взгляда на него Ольгино сердце залилось счастьем.

Ей хотелось смеяться снова и снова. Она и смеялась бы, если бы не боялась его обидеть. Она видела, что и он сдерживает в себе что-то. Может быть, тоже желание смеяться?

Так они сидели, глядя друг на друга, и не находили, как выразить то, что чувствуют.

Неожиданно Ольга поняла, что гула и шума за окном больше нет. И сплошной белой стены нет тоже – дождь кончился.

«Как жаль!» – мгновенно мелькнуло у нее в голове.

Но тут лицо Сергея осветилось чистым вечерним солнцем, от этого оно сделалось еще выразительнее, и ее сожаление исчезло так же мгновенно, как и возникло.

Он был очень красивый. Как же она раньше этого не замечала? Впрочем, красота у него была мужская, то есть сильная именно тем, что не бросается в глаза.

Ольга смотрела на него как замороженная. А он смотрел на нее так же, как раньше. Только теперь она поняла, что он и раньше смотрел на нее как замороженный.

– Кончился дождь...

Она не проговорила, а прямо-таки пролепетала это. И судорожно сглотнула.

– Кончился, – как эхо откликнулся он.

Они снова замолчали. Тесное пространство между ними было наэлектризовано так, словно дождь прошел не на улице, а в машине. И даже не дождь прошел – словно гроза отбушевала прямо здесь и оставила после себя сплошное море электричества.

При мысли о том, что вот сейчас она откроет дверь, выйдет на улицу и все это кончится, Ольге стало страшно. Хотя что – все? Она не знала.

– Я на завтра записалась, – так же беспомощно пролепетала она. – На завтрашний вечер. На занятие.

– Я буду вас ждать, – сказал Сергей.

Его голос прозвучал с обычным спокойствием. Но в его глазах спокойствие смешивалось с растерянностью.

Ольга чувствовала себя так, как, наверное, чувствовала себя героиня сказок ее детства, попавшая в зачарованное царство: не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. И видела, что с Сергеем происходит то же самое.

Все-таки он первым сбросил с себя оцепенение – вышел из машины, открыл Ольгину дверцу... Ольга по-прежнему сидела неподвижно, и он протянул ей руку. Но она выбралась из машины сама: невозможно было коснуться его руки; она не представляла, что произойдет, если она это сделает.

Ольга не помнила, как простилась с ним, как дошла до метро. Кажется, он предлагал ее подвезти, ну да, конечно, предлагал, но она отказалась.

И только в метро она немного отдышалась, огляделась и пришла в себя.

«Что это было? – с недоумением подумала Ольга. – Наваждение какое-то! Надо поскорее забыть».

И тут же сознание подсказало ей другой вопрос: «Зачем?»

Воспоминание о том, как они с Сергеем сидели в машине, отгороженные от всего мира сплошной стеной дождя, было так прекрасно, что забывать его совсем не хотелось. Оно окутывало Ольгу чистым облаком счастья.

Она вышла из метро на Пушкинской, пошла к Патриаршим прудам, к своему Ермолаевскому переулку... И поняла, что идти домой ей в общем-то незачем. Андрей уехал в Нижний Новгород на семинар, вернуться должен был только через три дня, Нинка и вовсе не сообщала, когда вернется из Ольвии, хотя ее археологическая практика давно была окончена... Представив, что после прекрасного дождя, от которого ей так свободно, так легко сейчас дышалось, придется провести ночь в душной городской квартире, Ольга поежилась. Нет, в этом не было совершенно никакого смысла.

Она вернулась обратно на Пушкинскую площадь и снова спустилась в метро. Ехать было недалеко, и электрички вечером ходили часто.

Глава 8

Мама читала, сидя на веранде; Ольга увидела ее от самых ворот. На столбах веранды висели фонари, лампочки прятались в них за золотистыми стеклами. Такие же фонари, только маленькие, на тонких ножках, были расставлены вдоль садовых дорожек. Они сами собой загорались с наступлением темноты и казались в траве необыкновенными сверкающими грибами. Из-за рассыпанного по всему саду света дом выглядел сказочным, тем самым, про который Ольга читала в детских книжках. Ей тогда представлялось, что во всех сказках описывается один и тот же дом и что именно в нем сосредоточено все счастье мира.

Теперь этот дом стоял перед нею, освещенный мерцающими фонариками.

Мама не удивилась ее приезду. Она вообще удивлялась редко, но не от равнодушия, а потому, что жизнь многое успела ей показать.

– А я как раз хотела тебе звонить, – сказала она, спускаясь с веранды навстречу Ольге. – Что тебе в городе сидеть? Можно и отсюда на работу ездить. Половина Тавельцева так и делает.

– Вот научусь машину водить и тоже буду, – сказала Ольга.

И сразу вспомнила, как Сергей Игнатович смотрел на нее зелеными растерянными глазами. И счастье снова тронуло ее сердце.

– Я ужин не готовила, – сказала мама. – Но еда с обеда осталась.

– Да я не голодная, – возразила было Ольга.

Но мама уже ушла в дом, и оттуда донеслось звяканье посуды.

Ольга осталась на веранде одна. Счастье не уходило из ее сердца. Все время, пока мама не вышла на веранду с подносом, на котором стояли тарелки, она чувствовала, как счастье тревожно гуляет у нее в груди.

– Что ты, Оля? – спросила мама, расставляя тарелки на столе.

– Ничего. – Ольга потрянула головой и добавила, чтобы отвлечься от счастья: – А у тебя обед такой, как будто ты гостей ждала.

– Обыкновенный обед, – пожалала плечами мама. – Суп вчерашний, жаркое тоже. Просто я привыкла готовить. Меня, знаешь, так поразило, когда я узнала, что не в каждом доме бывает обед, – вспомнила она. – Я к подружке своей школьной пришла, к Анеле, она в Замоскворечье жила с мамой и маленькой сестрой. Мама у нее на заводе работала. Страшно бедно они жили, как и большинство тогда, впрочем.

– Это перед войной было? – рассеянно переспросила Ольга.

Она слушала маму вполуха, думая о своем.

– Да, в тридцать девятом году. Я в десятом классе училась. Дома у нас тоже никакой роскоши не было, но обед готовили всегда, я даже не представляла, что может быть иначе. А Анеля с мамой и сестрой вместо обеда пили чай с черным хлебом. Иногда бывал сахар. Такое вот советское счастье.

– А этот дом тогда уже был? – спросила Ольга. – Вот этот, в Тавельцеве?

– Был, – кивнула мама. – Папа его почти сразу же купил, как только в Москву приехал. Тогда, правда, дачи не покупали, а получали в специально отведенных местах, и только те, кому положено было. По тем же самым правилам, по которым Анеле был положен на обед чай с хлебом. Но, видимо, для папы сделали исключение, все-таки он очень хороший врач был, им дорожили. А может, просто для демонстрации. Мол, товарищи эмигранты, возвращайтесь в СССР, здесь вам будет хорошо. Как бы там ни было, но этот дом ему купить разрешили.

– А ты до войны жила здесь, ма? – спросила Ольга.

– Почти нет. Мне же семнадцать едва исполнилось перед войной, ну что мне было в деревне делать? Тем более мама уже с апреля сюда переезжала, папа весь день на работе, московская квартира свободна... А отдельная квартира – это же невозможная редкость была в то

время, и все мои друзья у меня собирались. Так что в Тавельцеве я до войны только редкими наездами бывала. Нинку вон тоже калачом сюда не заманишь.

– А в соседних деревнях ты кого-нибудь знала?

– Да я и в самом Тавельцеве никого почти не знала, – улыбнулась мама. – Даже среди дачников. Все друзья у меня были в Москве, и вообще вся моя жизнь была московская – после Франции я ею упивалась. А кто тебя в соседних деревнях интересуется?

– В Чудцеве, я слышала, Игнатовичи жили.

– Игнатовичи? Не знаю, – пожала плечами мама. – Это твои знакомые?

– Нет, – сказала Ольга. – Их я не знала. Но знаю их внука.

И тут же поняла, что это не так. Ведь она совсем ничего не знает о Сергее Игнатовиче и, кстати, не знает даже, Игнатовичи ли были его бабушка с дедушкой. Может, это было родство с материнской стороны и фамилия у них была другая.

Она не знала о Сергее ничего. Но мысли ее возвращались к нему снова и снова, и самые неважные мелочи, связанные с ним, приобретали в ее мыслях какой-то огромный масштаб.

– Я пораньше лягу, – пытаюсь избежать этих мыслей, сказала Ольга. – Мне завтра на работу рано, надо хоть немного выспаться. Я ведь и не собиралась вообще-то сегодня приезжать, как-то неожиданно получилось.

Спать Ольге совсем не хотелось, но так же не хотелось ей, чтобы мама почувствовала, в каком счастливом смятении она находится. Мама была проницательна и почувствовать это могла вполне.

– Ложись. Я еще читаю.

Мама посмотрела на нее с тем мимолетным вниманием, которого Ольга как раз и опасалась. Этим вниманием она всегда выхватывала главное, что было в человеке вообще и в его сиюминутном состоянии в частности.

– Что ты читаешь? – чтобы отвлечь от себя это мамино внимание, спросила Ольга.

Она надеялась, что в ее голосе прозвучит интерес к книге, который маму и обманет.

– Мемуары Тенишевой, – ответила мама. – Неля вчера приезжала и привезла. Я, знаешь, заметила, что одни мемуары в последнее время и читаю. Возраст, Оля, возраст! Очарование вымыслов сходит как позолота, и интересна становится только правда.

– Ну, у Нели-то возраст еще не такой уж большой, – возразила Ольга.

Шестидесятилетняя Нелли была средняя из сестер Луговских. Правда, много лет она считалась младшей – до тех пор, пока во Франции не обнаружилась Мария.

– Потому Неля мне эти мемуары и отдала, – сказала мама. – Не возись с посудой, Оля, я сама уберу.

Ольга оставила тарелки на столе, поцеловала маму и ушла в дом. Когда она поднималась по лестнице, ей казалось, что мама смотрит ей вслед с тем самым мимолетным вниманием, от которого не скроешь сильных чувств.

Глава 9

Если бы Оля была не Оля, а какая-нибудь посторонняя женщина, то Татьяна Дмитриевна подумала бы, что она влюбилась.

Она с детства обладала способностью улавливать трепет и смятение, которыми сопровождались в людях сильные и в силе своей всегда тревожные чувства. У маленькой девочки такая способность могла бы показаться странной, но Таня умела ее скрывать. Даже не скрывать, а сдерживать. Она вообще была сдержанная, характером удалась в отца. Однако при такой природной сдержанности у Танечки никогда не было недостатка в поклонниках. Теперь, в старости, она даже немножко жалела свою единственную дочь. Конечно, муж Оле попался очень достойный, но поженились они рано, и за хорошего мужа ей пришлось заплатить единственностью любовного чувства. Впрочем, ее это, похоже, не угнетало: Оля была цельной натурой, и дробное восприятие мира, одним из проявлений которого являются многочисленные любовные увлечения, вообще было ей не свойственно. Еще в детстве, когда ее подружки то собирали марки, то ходили в драмкружок, то занимались бисероплетением, Оля изучала французский язык, потому что собиралась посвятить этому всю свою жизнь. И для того чтобы заниматься этим единственным избранным делом, ей нисколько не приходилось себя ограничивать – она просто занималась тем, что ей нравилось, и не испытывала в связи с этим ни зависти к подружкам, ни хотя бы любопытства к тем бесчисленным занятиям, которые они так самозабвенно перебирали.

Сначала Татьяна Дмитриевна предполагала, что французский язык является для ее дочери тем, что называют одной, но пламенной страстью, но вскоре заметила, что Оля отдается своему занятию вовсе не со страстью, а со спокойным, ровным вниманием. Однако и вялости, за которую такое внимание можно было бы принять, в ней не было нисколько.

Ни вялой холодности, ни жесткой ограниченности – в ней не было ничего, что могло бы свидетельствовать об ущербном восприятии жизни. Да, дело было лишь в том, что ее дочь была цельной натурой. Это Татьяна Дмитриевна поняла еще в Олином детстве, и ни разу за сорок лет у нее не было повода усомниться в таком своем понимании.

И вдруг сегодня она почувствовала в дочери такую тревогу, которой в Оле не было прежде никогда, за это она могла поручиться.

Это было так удивительно, что Татьяна Дмитриевна даже не поверила себе.

«Просто я, наверное, сама растревожилась, – подумала она. – Юность вспомнила... Как странно! Не думала, что чувства могут тревожить в воспоминаниях».

Татьяна Дмитриевна сидела на веранде, фонарики мерцали над нею, посверкивали в траве, давно пора было спать, но память ее была взбудоражена, и она не ложилась – понимала, что надо дать своей памяти волю.

Таня ходила в школу уже второй месяц, но возможность полюбить свою новую жизнь или хотя бы к ней привыкнуть с каждым днем становилась все более призрачной.

Все здесь было иначе, чем в Париже, ну просто все! Вечерами в кровати Таня плакала, как маленькая, и лишь природная сдержанность не позволяла ей разрыдаться в голос, так, чтобы прибежала мама.

В парижской жизни была тонкая непредсказуемость; только в Москве Таня поняла, как она была прекрасна. Понимание, что теперь вместо той непредсказуемости, той летящей прелести каждого дня будет что-то совсем другое, и будет всегда, – это понимание как раз и заставляло ее плакать. Как назвать это теперешнее «другое», Таня не знала. Может быть, грубость? Да, пожалуй. Московская жизнь была невыносимо груба, неутонченна.

«Зачем мы сюда приехали? – вытирая слезы углом одеяла, думала Таня. – Немцы, возможно, и не станут еще воевать с французами. А если станут, то не обязательно выиграют войну. А если выиграют...»

Дальше развивать эту мысль ей все-таки не хотелось. Представить, как она стала бы жить в Париже под властью фашистов, было невозможно.

Но Москва все равно не становилась ей милее; с этим ничего нельзя было поделать.

Школа, в которую она поступила, была неподалеку от дома. Но небольшое расстояние от Ермолаевского, в котором они жили, до Леонтьевского переулка, где находилась школа, Таня каждый день преодолевала с таким трудом, будто это была каторжная дорога, ведущая прямо в Сибирь.

Переходя Тверской бульвар, она с завистью смотрела на маленьких детей, которые гуляли с мамами и нянями по весело хрустящей, посыпанной мелким гравием аллее. Счастливые, им не надо в школу! А у нее первый урок история, и придется отвечать о разнице между Эрфуртской и Готской программами немецких социал-демократов, а она понятия не имеет, что это за программы такие, потому что всю ночь читала «Мадам Бовари» и выучить урок не успела.

Стоило Тане подумать о школе, как ноги ее делались чугунными, а сердце тоскливо сжималось.

«Ничего, – говорила она себе, – ничего, ничего. Осталось всего две недели. Потом экзамены, а потом каникулы. И снова в школу только осенью».

Но сами эти слова, «снова в школу», даже произнесенные лишь мысленно и по отношению к отдаленному будущему, нагоняли на нее еще большую тоску.

А когда здание школы – красивое вообще-то, похожее на пряничный домик, – выросло в просвете между домами Тверского бульвара, к которому примыкал Леонтьевский переулок, то тоска переходила в безнадежное уныние.

Но предаваться унынию было уже некогда: звонок слышен был на улице, и Таня взбежала на школьное крыльцо.

В класс она влетела за минуту до исторички Мастеровой, чуть не столкнувшись с нею в дверях. Та посмотрела на Таню с неодобрением, но ничего не сказала и даже, кажется, замедлила шаги, чтобы ученица Луговская успела занять свое место рядом с Петей Вересовым.

– Что это с тобой? – шепотом поинтересовался он.

У Вересова был повод для недоумения: за все время, что Таня Луговская училась в девятом «А» классе, она не опоздала на уроки ни разу.

Объяснять Пете про «Мадам Бовари» не хотелось, да, к счастью, и не пришлось: историчка всегда начинала урок сразу, с порога, не оставляя ученикам времени на посторонние разговоры.

В том, что ее сегодня непременно спросят, Таня не сомневалась: у нее было чутье на неприятности, во всяком случае, на вот такие, мелкие; считать невыученный урок крупной неприятностью она все же не могла.

И точно.

– Луговская, к доске! – раздался металлический голос Мастеровой.

Пока Таня шла к доске, чугун в ее ногах стал по меньшей мере вдвое тяжелее. Хотя разве может стать тяжелее чугун? Уж какой есть.

«Что за глупости в голову лезут?» – успела еще подумать Таня и тут же услышала:

– Расскажи нам, что ты знаешь о Готской программе немецких социал-демократов.

Историчка всегда подчеркивала это «ты» и «нам», когда спрашивала Таню. Словно проводила между нею и всем классом черту. Таня не страдала мнительностью и подозрительностью, а потому была уверена, что это ей не мерещится.

И конечно, именно Готская программа! Впрочем, вопрос о программе Эрфуртской был бы ничем не лучше.

– Я ничего не знаю о Готской программе, Надежда Петровна, – сказала Таня, глядя в маленькие серые глаза исторички.

А что еще она могла сказать?

– Интере-есно... – еще больше сощуриив глаза, протянула Мастерова. – Почему, можно тебя спросить?

– Потому что... – Таня запнулась. Но выдумывать какие-то несуществующие причины она все-таки не видела смысла. – Я вчера увлеклась книгой и читала до утра.

– И что же это была за книга?

– «Мадам Бовари» Флобера.

– И на каком же языке ты читала Флобера? – не отставала Мастерова.

– На французском, – с удивлением ответила Таня.

– Почему?

– Но ведь она написана на французском...

Таня произнесла это осторожным тоном, чтобы Мастерова не подумала, будто она считает ее душой. Хотя почему «будто»? Таня ведь именно душой ее и считала.

– Существует русский перевод, – поморщилась Мастерова. – Раз ты живешь в нашей стране, то должна читать на ее языке.

Что на это ответить, Таня не знала. Что книги лучше читать на том языке, на котором они написаны? Ей казалось, это само собой разумеется...

К счастью, историчка и не ожидала от нее ответа.

– Ладно, Луговская. – Она вздохнула так тяжело, словно призывала весь класс почувствовать своей тяжелой доле – вот, мол, с кем приходится иметь дело! – Готской программы ты не знаешь. Расскажи тогда, что ты знаешь о немецкой социал-демократии вообще.

О немецкой социал-демократии Таня знала примерно то же, что и обо всех ее программах, то есть ничего. Зачем ее об этом спрашивать? Она ведь сказала, что не выучила урок!

– Я не выучила сегодня урок, – повторила Таня.

– Это я уже слышала, – поморщилась Мастерова. – Потому и даю тебе последнюю возможность избежать неудовлетворительной оценки. Живя в Европе, ты не могла ничего не слышать о такой сильной социал-демократии, как немецкая. Вот и расскажи нам, что ты слышала.

– Ничего, – повторила Таня. – Я не слышала о ней ничего. В Европе все говорят только про немецкий фашизм.

«И только поэтому мы уехали из Европы», – хотела добавить она.

Но не добавила, потому что вдруг подумала, что это, может быть, не вся правда. Из обрывков родительских разговоров, которые она стала все чаще слышать в последнее время, можно было сделать и другие выводы.

– Фашизм – сознательный выбор немецкого трудового народа, – ледяным тоном отчеканила историчка.

– В этом весь и ужас, – сказала Таня.

– Не понимаю, что ужасного ты видишь в фашизме, – пожала плечами та. – Руководство нашей партии и страны рассматривает Гитлера как своего союзника в борьбе с мировым империализмом.

Мастерова проговаривала каждое слово внятно, словно гвозди вколачивала. И с каждым словом Таня чувствовала, что ее первоначальное легкое раздражение против исторички превращается в настоящее возмущение.

– Гитлер антисемит! – воскликнула она. – Он ограничивает права евреев, отнимает у них имущество! Разве этого мало, чтобы считать его...

– Он отнимает имущество у представителей эксплуататорских классов, – перебила ее историчка. – Это, к твоему сведению, называется экспроприацией экспроприаторов и является важнейшей частью классовой борьбы. В нашей стране этот процесс начался после Великой

Октябрьской социалистической революции и привел к созданию великого государства рабочих и крестьян. Надеюсь, хотя бы это тебе известно, – язвительно добавила она.

– Но это же совсем другое! – задыхаясь от возмущения, воскликнула Таня. – Это... – Она хотела сказать, что отнимать чье бы то ни было имущество вообще нельзя, но в последнюю секунду поняла, что говорить это бесполезно. Да и не это казалось ей главным в неожиданно возникшем споре с историчкой. – Гитлер унижает людей из-за их национальности! Он измеряет циркулем строение их черепов и после этого отправляет их в концентрационные лагеря. И немцы это одобряют! Но как же можно одобрять такое? И что же будет дальше? Людей начнут убивать за то, что у них черепа не такой формы, какую считает правильной Гитлер? А душевнобольных людей он уже убивает, когда отправляет в лагеря! Потому что они ведь не могут жить без врачебной помощи!

Таня чувствовала, что от волнения говорит все менее правильно – французские конструкции просвечивают в русских фразах.

– Прекрати кричать, Луговская, – поморщилась историчка. – Кто тебе сказал эту ерунду про душевнобольных?

– Об этом пишут все французские газеты!

– Французские газеты занимаются клеветой.

– Гитлер диктатор и скоро начнет войну! Он захватит всю Европу!

– Вот что, Луговская... – Лицо исторички стало красным, потом белым. Потом она медленно приподнялась на стуле и развела руки, словно хотела защитить класс от Тани. – Эту буржуазную пропаганду оставь для разговоров у себя дома. А в школе будь добра учить уроки как положено. Садись – «неудовлетворительно»!

Она посмотрела на Таню с ненавистью. Мало сказать: с ненавистью – из ее глаз будто выметнулись стальные иглы.

Возражать ей было невозможно. Можно возражать словам, мыслям. Но этому ненавидящему взгляду...

Таня повернулась так стремительно, что скользнул по паркету каблук ее туфли, и выбежала из класса.

Глава 10

Она летела по Тверскому бульвару, и гравий не успевал скрипеть у нее под каблуками. «Это совсем другие люди! – лихорадочно мелькало у нее в голове. – Они думают совсем по-другому, чем... Чем люди! Я не могу с ними жить, никогда не смогу!»

Обычная сдержанность изменила Тане настолько, что если бы слезы не стояли у нее в горле, то она даже не думала бы все это, а выговаривала бы вслух, просто выкрикивала.

«Зачем папа нас сюда привез? – судорожно пытаюсь сдержать слезы, думала она. – Мама не хотела ехать в Москву, я знаю. И... никто не хотел!»

Она вдруг вспомнила, как накануне отъезда пришел проститься на бульвар Пастера, где они снимали квартиру, Иван Алексеевич Зеленин, папин однокурсник по Петербургской военно-медицинской академии. Он и теперь работал вместе с папой в клинике, но не врачом, а санитаром. Папа говорил, это из-за того, что Иван сгубил свой талант пьянством, а мама возражала – не пьянством, а ностальгией.

Тем вечером, впрочем, Иван Алексеевич выпивал немного. О причине посиделок – отъезде Луговских в Москву – не было сказано ни слова, но мысль об этом висела в воздухе, и атмосфера за столом казалась мрачной. Во всяком случае, Таня чувствовала ее именно такую и поэтому ушла спать пораньше, сказав, что устала, собирая вещи в дорогу.

На самом деле она не устала нисколько, дело было вовсе не в этом. Тоска лежала у нее на сердце, и мрачный вид Ивана Алексеевича и его молчание лишь усиливали эту тоску.

Дверь в ее комнату была закрыта неплотно, и она слышала разговоры за столом. Если можно было назвать разговорами короткие незначительные фразы, которыми обменивались взрослые.

– Что же ты делаешь, Митя? – вдруг услышала Таня.

Голос Ивана Алексеевича прозвучал с таким глухим отчаянием, что она насторожилась.

– Ты о чем, Ваня? – спросил отец.

В папином голосе, напротив, не слышалось ничего, кроме обычной его ровной сдержанности.

– Сам ты все прекрасно понимаешь, – ответил Иван Алексеевич. – И куда едешь, и к кому – не можешь не понимать. Вот я и спрашиваю: что ты делаешь?

– Я не люблю риторических вопросов, Иван. Да и ты, насколько мне известно, тоже.

Тане показалось, что она видит, как папа поморщился. Хотя сквозь узкий дверной проем ничего из происходящего за столом она видеть, конечно, не могла.

– Хорошо, спрошу иначе: если тебе все равно, что будет с тобой, то неужели так же все равно, что будет с твоей дочерью? Это, по-твоему, тоже риторика?

– Это не риторика. Это пустой пафос.

– Не такой уж пустой. – Странно, что Иван Алексеевич не обиделся на резкость, с которой папа произнес эту фразу. – Неужели ты не понимаешь, что Таню они заставят работать на макаронной фабрике? И это еще в самом лучшем случае.

Тут в разговор наконец вмешалась мама.

– Ваня, – нежным своим, тихо звенящим голосом сказала она, – все уже решено. Зачем теперь объяснять? Через год, не позднее, в Париже будут немцы. По-моему, это достаточное объяснение нашего отъезда.

– Сие никому не известно, – отрубил Иван Алексеевич. – А вот что большевики мостят тундру людскими костями, известно доподлинно. Желаете поучаствовать в освоении красного Севера?

Теперь Тане показалось, что она видит растерянность в маминых прекрасных глазах.

– Прекрати, Иван. – Папин голос прозвучал совсем уж резко. – Тебе и так понятно все, что касается моего отъезда. Я в этом уверен.

Молчание повисло за столом. Иван Алексеевич прервал его первым.

– Да, – сказал он. – Понятно, Митя. Я, знаешь, когда к вам сегодня шел, то всё стихи вспоминал. Молодой какой-то поэт, никому не известный. Я его книжечку еще в Берлине купил. Тоже к вам в гости тогда шел, на Тауенцинштрассе, и в книжную лавку случайно по дороге завернул. Книжечка потом при переездах затерялась, и стихи я долго вспомнить не мог. Вот, сегодня только вспомнил.

И он прочитал ровным глухим голосом:

Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывет кровать;
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.

Он читал дальше и дальше – про покров благополучного изгнания, который защищает этого поэта... И вдруг закончил резко и отчаянно, как будто на последнем в жизни выдохе:

Но, сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:
Россия, звезды, ночь расстрела,
и весь в черемухе овраг!

– Такие вот стихи, – помолчав, сказал Иван Алексеевич. – А под немцами в самом деле жить нельзя. Это я еще в Берлине понял, хотя тогда они были настроены сравнительно вегетариански.

Больше про отъезд Луговских в Россию тем вечером не говорили.

И вот теперь Таня бежала по Тверскому бульвару, в горле у нее стояли слезы, и ей казалось, что она уже работает на макаронной фабрике. Сплошная макаронная фабрика была вокруг нее, ничего больше!

– Таня! – вдруг услышала она. – Таня, стой!

Остановиваться не хотелось – из-за слез. Из горла они поднялись уже к глазам, вот-вот готовы были пролиться, и этого никто не должен был видеть. Но все же Таня замедлила бег и, не останавливаясь совсем, на ходу обернулась.

По аллее быстро шел Дима... Дима... Как же его? Он был Таниным одноклассником, но фамилию его она не могла сейчас вспомнить. Да и его имя вспомнила лишь потому, что оно совпадало с папиным. Не сказать, чтобы этот Дима был каким-нибудь особенным тихоней, но почему-то он не был в классе заметной личностью. И неизвестно, был ли он личностью вообще.

Впрочем, и те одноклассники, которые обращали на себя внимание интересной внешностью или бойкостью ума, тоже не вызывали у Тани приязни. Все они были людьми из другой жизни; между ними и Таней возвышалась невидимая, но неодолимая стена.

– Таня, подожди! – Дима уже стоял перед нею. В отличие от Тани, он не задохнулся от быстрой ходьбы. – Вот. Ты забыла.

В руке у него была Танина сумка. Та, с которой она ходила в школу в Париже. И, увидев эту сумку, такую родную, такую милую в своем простом изяществе, Таня не выдержала – слезы наконец прорвали последнюю преграду у нее внутри и полились по щекам так, словно она попала под дождь. При этом она не сдержала и невнятный всхлип – он тоже вырвался из ее горла.

– Не плачь, Таня, – сказал Дима.

Его голос прозвучал на удивление ровно. Впрочем, почему на удивление? Может, он по натуре был флегмой, ведь Таня не знала. Но от ровного звучания его голоса она вдруг почувствовала себя спокойнее.

Сказать что-либо, однако, она все же не смогла, только помотала головой. Дима при этом посмотрел на нее так внимательно, словно она сделала что-то из ряда вон выдающееся.

– Что ты так на меня смотришь? – сквозь слезы выговорила Таня.

– Я не на тебя, – тем же спокойным голосом ответил он, – а на твои слезы. Ты головой помотала, они сразу разлетелись и засверкали как алмазы. Я даже подумал было, что это у тебя из сережек алмазы выпали.

Он объяснил все это так обстоятельно, что Таня невольно улыбнулась. Хотя слезы все еще текли по ее щекам.

– Я не ношу алмазов, – сказала она. – И вообще никаких драгоценностей не ношу.

– Потому что это дурной тон?

– Да нет, – пожала плечами Таня. – Просто не люблю. Может быть, позже мне это понравится. У мамы, например, есть нитка старого жемчуга, и она его с удовольствием носит. И сережки жемчужные тоже.

Просто диво какое-то! Что это она вдруг взялась рассказывать про мамины обыкновения незнакомому и даже чужому человеку?

– Тебе тоже пошел бы жемчуг, – сказал Дима. И добавил с некоторым смущением: – Я, правда, жемчуга никогда не видел, но думаю, что пошел бы. Хотя исхожу при этом, конечно, из тех представлений, которые получил из книг.

Его обстоятельность не только сместила Таню, но и вызвала к нему приязнь.

– А я в одной книге читала, что островитяне жуют жемчужины, которые добывают из океана, – сказала она. – Только не помню, для чего они это делают.

– Ты не расстраивайся, – сказал Дима.

– Я и не расстраиваюсь. Не все ли равно, для чего жемчуг жуют! Это же в Тихом океане где-то.

– Не из-за жемчуга не расстраивайся, а вообще. Историчка дура, это все знают. Чего из-за нее расстраиваться?

– Я не из-за нее... – пробормотала Таня.

Не объяснять же, что она расстроилась и даже заплакала из-за своего полного и неизбежного одиночества. Ну да, у нее есть папа и мама. И они родились здесь, в России, и сюда теперь вернулись. Но ведь она, Таня, родилась в Париже, и Россия ей совершенно чужая. И жизнь здесь примитивна, как жизнь инфузории-туфельки, и она никогда к этой жизни не привыкнет!

Из-за того, что она снова вернулась к той мысли, от которой ее отвлек было Дима, по Таниному лицу, наверное, пробежала тень. И Дима эту тень, наверное, заметил.

– Просто ты после школы всегда домой сразу идешь и ничего поэтому не видишь, – сказал он.

В его манере говорить было что-то необычное, может быть, даже парадоксальное. Или нет, не парадоксальное... Таня догадалась: Дима словно бы проговаривает вслух лишь краткие отрезки своих мыслей, сами же мысли текут в его голове непрерывным потоком. Потому и интересно слушать эти срединные фразы, догадываясь по ним о содержании целого.

– А что я должна видеть?

Таня хотела задать свой вопрос с вызовом, но это у нее не получилось, и вызова в ее голосе не прозвучало.

– Ты не очень-то видишь, как здесь живут, – ответил Дима. – Потому тебя здешняя жизнь и пугает.

– Ничего она меня не пугает... – пробормотала Таня. – Но я ее в самом деле не понимаю, конечно, – все-таки сдалась она.

– Это не страшно.

– Но обидно же! – вырвалось у Тани.

Только теперь, произнеся эти слова, она поняла, что они – правда. До сих пор Таня была уверена, что московская жизнь вызывает у нее лишь неприязнь. А оказывается, ей просто было обидно... Как странно, что до сих пор это не приходило ей в голову!

– По Москва-реке пустили речной трамвай, знаешь? – сказал Дима.

Да, мысли его текли необычно и неведомо. Но при этом он смотрел на Таню так внимательно, что невозможно было сказать, будто он думает о своем. Видно было, что он думает о ней.

– Не знаю, – сказала Таня. – То есть не знаю, что его по Москва-реке пустили. Речной трамвай – это ведь маленький кораблик, да? По Сене такие ходят. Я каталась.

Она вспомнила, каким счастливым был тот день, когда папа пригласил их с мамой покататься на маленьком речном кораблике.

Как радостно сверкала в солнечных лучах вода Сены и посверкивали гранитными искрами ее берега, а когда кораблик заплывал под мост, то казалось, что попадаешь в таинственную пещеру с сокровищами... Потом они гуляли по Люксембургскому саду и сидели на траве, и всем им троим было так хорошо, так легко... Лучше было не вспоминать об этом сейчас! Иначе слезы снова полились бы из глаз.

– Если хочешь, можно в Коломенское сплавать, – сказал Дима.

– Но ведь это, кажется, другой город? – удивилась Таня.

– Другой город – Коломна, – сказал Дима. – А Коломенское в Москве. Я там часто бываю.

Но на речном трамвае еще ни разу туда не плывал. Если хочешь, можем вместе поплыть.

– Ты меня приглашаешь? – улыбнулась Таня.

– Да, – кивнул он.

Кажется, его совсем не раздражала ее манера говорить и держаться, которая, Таня видела, раздражала всех ее московских одноклассников.

– Что ж, спасибо, – улыбнулась она. – Я с удовольствием поеду с тобой в Коломенское.

Глава 11

– Наверное, тебя в тот день не было на занятиях. Наверное, ты болел.

– Скорее прогуливал.

– Может быть. Во всяком случае, тебя не было, когда нас всех водили тренироваться в Осоавиахим, иначе ты точно это запомнил бы. Это такой бред, что его невозможно не запомнить!

Таня сидела на склоне холма, глядя на белую колокольню, которая возвышалась на противоположном холме прямо над рекой и тонула в небе, а Дима стоял перед нею, и поэтому, глядя на колокольню, она то и дело встречала его внимательный взгляд.

– А что он говорил? – спросил Дима.

– Он говорил – послушай, я запомнила до слова. – Таня постаралась, чтобы ее лицо приняло бессмысленное выражение, и пробубнила, подражая голосу инструктора из Осоавиахима: – «Раньше инструкторы с вами много допускали словесности за счет личного показа и отработки одиночного бойца. Привожу пример, как извращались с их стороны команды. Вроде того что «приставь заднюю ногу», тогда как у человека есть только правая и левая нога. Откуда-то еще нашли заднюю ногу».

Ей ненадолго хватило серьезности в воспроизведении этакого чуда. Дима расхохотался, и она вслед за ним.

– Ну как? – сказала Таня, отсмеявшись. – По-твоему, можно всего этого не замечать? И это не режет слух?

– Режет. Но ты не обращай внимания.

– Я стараюсь, но не могу, – грустно сказала Таня. – Здесь всего этого слишком много. Какая-то сплошная макаронная фабрика.

Она думала, что он удивится и спросит, при чем здесь макаронная фабрика, и трудно будет в двух словах объяснить, что она имеет в виду. Но Дима сказал:

– Скорее качели.

Удивиться пришлось ей самой.

– При чем здесь качели? – спросила она.

– Я тоже об этом думал, Таня, – сказал Дима. – Трудно всего этого не замечать, ты права. Слишком много всякого дурацкого. Но это как на качелях, понимаешь? Качнешься назад, и так замутит, что кажется, вот-вот сблю... – Он смутился и поправился: – В общем, плохо себя почувствуешь. А потом, из самой мертвой точки, качели обратно летят. И так хорошо становится, что сердце замирает. Ну, это я глупо, конечно, объясняю, – добавил он. – И непонятно.

– Нет, почему же... – медленно проговорила Таня. – Я, кажется, понимаю... А когда качели обратно летят – это что?

– Это, например, когда встречаешь очень хорошего человека. Не то чтобы гения, а просто доброго, толкового, такого, знаешь... живого. И кажется, что ты до него взлетел. Вот это и есть – как на качелях. Сначала тебе надо попасть в самую тошнотную точку – ну, вроде того инструктора из Осоавиахима, – чтобы потом долететь до самого прекрасного человека.

– Но разве по-другому нельзя? – сказала Таня. – Разве нельзя, чтобы были просто хорошие люди, обязательно надо, чтобы сначала дураки?

– Может, и необязательно. Но почему-то получается так. Во всяком случае, у нас. Может, во Франции по-другому, но я же там не был.

– Во Франции?... – задумчиво проговорила Таня. – Да, там по-другому.

Она снова вспомнила, воспроизвела в себе то ощущение, которое связывалось у нее с парижской жизнью. Оно было легким, счастливым, многообразным и очень... ровным. Да,

именно так. Полета на качелях – вниз до тошноты, а потом вверх до восторга – в нем не было точно. Но разве она хотя бы раз почувствовала восторг за то время, что жила в Москве?

– Ты очень умный, Дима, – сказала Таня. – Мне жаль, что мы с тобой никогда не говорили прежде вот так откровенно. Я сказала что-то смешное? – взглядевшись в его лицо, спросила она.

– Нет, ты что! – смутился он. – Ты не смешно говоришь, а красиво. Очень необычно.

– Немножко не по-русски, да? – догадалась она. – Это из-за Франции. Мы говорили по-русски дома, но в школе и вообще за порогом дома я, конечно, почти совсем не говорила по-русски. И русских друзей у меня не было, и у родителей их тоже было мало. Наша семья жила обособленно от парижского русского общества, я даже не знаю, почему.

– Ты очень красиво говоришь, – повторил Дима. – Я никогда не слышал, чтобы так говорили. Ну что, отдохнула?

Таня присела на склоне потому, что устала, бродя по тропинкам Коломенского. Дима не обманул ее, здесь в самом деле было необыкновенно красиво. И очень просторно. Людей на этих просторах совсем не было, и поэтому они казались просто бескрайними, ограниченными только рекою и небом. И купола прекрасной белой церкви тоже были похожи на небо, потому что они, эти купола, были голубые и на них сверкали золотые звезды.

– Я отдохнула, – кивнула Таня и поднялась с травы. – Но мы можем еще погулять?

– Конечно. Если ты хочешь. Я-то сюда часто езжу. Я и раньше хотел тебя пригласить, только... Ну, в общем, не решался.

– Почему? – улыбнулась Таня.

– Мне казалось, ты надменная. – Сказав это, он покраснел и торопливо добавил: – Не обижайся!

– Я не обижаюсь, – снова улыбнулась она. – Ты мне подарил прекрасный день. Только пропустил из-за меня школу.

– А, ерунда! – махнул рукой Дима.

Они поднялись вверх по склону и снова оказались на заросшей травой тропинке, с которой сошли, когда Таня устала.

– А почему ты часто бываешь в Коломенском? – спросила Таня. – У тебя здесь какие-нибудь дела?

Она заметила, что Дима снова смутился. Все чувства вообще были очень заметны на его лице.

– Извини, – поспешно произнесла она. – Я задала бестактный вопрос, и тебе совсем не обязательно на него отвечать.

– Ничего не бестактный. Я сюда рисовать езжу.

– Ты рисуешь? Как хорошо! – обрадовалась Таня.

– Может, и нехорошо, – возразил Дима. – Ты же моих рисунков еще не видела.

Несмотря на эти слова, видно было, что ему приятна радость, с которой Таня встретила известие о том, что он рисует.

– А ты мне их покажешь? – спросила она.

– Да.

Гуляли они недолго. Подошли к церкви – дверь в нее была заколочена, – покружили еще немного по дорожкам, причудливо вьющимся по склонам... Наконец Таня почувствовала, что ей уже не жаль уезжать отсюда: простор, который она поняла здесь, словно поселился у нее внутри, и вряд ли это ощущение исчезло бы теперь даже в переплетах городских улиц.

Дима сразу заметил, что она уже хочет уехать. Конечно, про ощущение простора, которое в ней поселилось, он догадаться не мог – просто решил, что она устала.

– В семь часов трамвай обратный будет, – сказал он. – Поедем?

При этом он посмотрел на солнце, наверное, определяя время, а Таня взглянула на маленькие часики – их подарили ей к Рождеству родители. Это было еще в Париже, и всего

год назад... Она вдруг поймала себя на том, что отмечает это без привычной тоски, с которой думала обо всем, что было связано с ее прежней жизнью.

Та жизнь была кончена, это она понимала. Но если раньше такое понимание заставляло ее вздрагивать от безысходности, то теперь оно лишь скользнуло по краю ее сознания, и только.

Обратно плыли по Москве-реке почти в полном молчании. Людей на маленьком кораблике было немного: ведь рабочий день. Тишина была на палубе, и над рекой стояла тишина. Но эта тишина не была безмолвием, потому что полна была каких-то неуловимых и радостных звуков. И даже когда перестали тянуться вдоль реки зеленые холмы и берега стали гранитными, городскими, – даже тогда не исчезло ощущение живой тишины. Наверное, оно было у Тани внутри. И прекрасные стены Кремля над Москвой-рекой, и золотые купола его соборов лишь усиливали счастье, которое тоже было теперь у нее внутри.

Она взглянула на Диму. Он смотрел на бегущую за бортом воду и что-то насвистывал.

– Ты поешь? – спросила Таня. – А про что твоя песня?

– Она не моя. Я к одному художнику хожу, рисунком занимаюсь – там няня у него дома пела, когда ребенка укладывала. А я вообще не пою, у меня ни слуха нет, ни голоса.

– Но тогда хотя бы скажи, о чем она, – попросила Таня. – Хотя бы скажи, если не хочешь петь. Мне ведь это интересно.

– Да ни про что особенное, – пожал плечами Дима. И проговорил: – «По ленивой речке, около плотины, по ленивой речке солнце светит в спину. В ласковом тенечке под старую сосну позабудь печали, посиди со мной». – Он помолчал, потом добавил: – Не знаю, про что это.

Таня тоже не знала. Но от простых слов этой песни, мелодии которой она так и не услышала, ей стало хорошо и легко, как будто ее наполнили воздухом, как шарик.

От пристани у Каменного моста, к которой причалил кораблик, дошли до Ермолаевского переулка быстро.

– Спасибо, Дима, – сказала Таня, когда они остановились возле ее подъезда. – Это был чудесный день, правда! Я очень тебе за него благодарна. И, конечно, я жду увидеть твои рисунки. Не только Коломенское, но вообще.

– Могу прямо сейчас показать, – сказал он. – Если ты не очень устала. Я же вон в том доме живу.

И он кивнул на соседний, углом стоящий к Таниному, четырехэтажный дом.

– Да? – удивилась она. – А я не знала, что мы соседи.

– Так я же и говорю, ты ведь после школы сразу домой всегда уходила.

– Теперь не буду, – улыбнулась Таня. – И я ничуть не устала. Отнесу домой сумку и сразу же выйду, ладно?

Дима кивнул и протянул Тане ее школьную сумку, которую носил весь день. Ей показалось, что по его лицу мелькнула радость, но это выражение исчезло так быстро, сменившись обычным для него выражением серьезности, что Таня не была уверена, появлялось ли оно вообще.

– Я тогда уходить не буду, – сказал он. – Здесь тебя подожду. Ты скоро?

И тут Таня почувствовала, что у нее холодеет спина. Ведь она не сказала маме, что едет в Коломенское! Ну да, выбежала из школы, шла по Тверскому бульвару, потом ее догнал Дима, и, не заходя домой, они сразу пошли на пристань у Каменного моста... И она совсем забыла, что мама ждет ее с обедом и, конечно, волнуется, и мало сказать – волнуется, ведь Таня никогда не задерживалась в школе.

– Ой, Ди-има!.. – испуганно проговорила она. – А я ведь...

Но договорить, объяснить, что, наверное, его рисунки ей сегодня смотреть не придется, Таня не успела.

– Димка! – услышала она у себя за спиной. – А я ключи забыл! А Берта к врачу пошла и дверь захлопнула.

Обернувшись, Таня увидела, что от арки, через которую они с Димой только что вошли во двор, идет... Нет, этого просто не могло быть! Таня даже забыла, что спешит домой.

Через двор шел к ним еще один Дима. Это выглядело так ошеломляюще, что Тане показалось, будто ее спутник каким-то невероятным образом перенесся обратно под арку, через которую они пять минут назад вошли во двор, и идет через этот двор снова.

Но оцепенение ее длилось недолго.

– Ты – ключи? – сказал Дима, тот Дима, который стоял рядом с Таней. – Так ведь и я забыл! И как мы теперь домой попадем?

Она повертела головой и поняла, что с ее сознанием ничего страшного не произошло и галлюцинации ее не посещают. Просто на свете существуют близнецы, и именно близнецы стоят теперь прямо перед нею – потому что Димин близнец уже пересек двор и остановился рядом с братом.

И, еще не успев толком разглядеть их, когда они стояли рядом, Таня не выдержала и засмеялась.

– Ой! – воскликнула она. – Вы так похожи! Я даже испугалась, честное слово!

Ей тут же стало неловко за свой глупый смех и возглас, особенно перед Диминым братом, ведь она не была с ним даже знакома. Таня посмотрела на него, чтобы извиниться... И замерла.

Как ей могло показаться, что они похожи? Нет, конечно, черты их лиц действительно были схожи, даже, пожалуй, одинаковы. Но разве дело в этом внешнем, легко бросающемся в глаза сходстве?..

Совсем другой, совсем особенный облик был у Диминого брата. Дерзость в нем была, дерзость – и такой, такой... Полет, вот что! Такой полет, что от одного взгляда на него захватывало дух.

И Таня стояла, замерев, и чувствовала, что дух ее захвачен в самый счастливый плен, какой только бывает на свете.

Глава 12

Нинка вернулась из Ольвии неожиданно, даже позвонить не удосужилась.

Позвонила она уже в дверь и ни свет ни заря, а когда Андрей открыл, то с порога заявила:

– Ну просто у меня деньги на телефоне кончились. И чего вообще-то звонить? Встречать же нас не надо. От вокзала два шага, мы пешком прекрасно дошли. Только ключи я потеряла. Мам, пап, – добавила она; Ольга, конечно, тоже вышла встречать дочку, – это Кирилл, он будет у нас жить.

Ольга всегда просыпалась с трудом – она и засыпала с трудом, но если уж засыпала, то полностью погружалась в сонный мир и подчинялась его законам совершенно, поэтому не сразу поняла, что это такое Нинка говорит. Однокурснику негде остановиться, что ли? Ну да, наверное, он после практики едет к себе домой, куда-нибудь далеко, и ему надо перекачаться до поезда.

– Проходите, Кирилл, – сказал Андрей. Он уходил на работу раньше Ольги, уже успел умыться-одеться и, как вскоре выяснилось, сразу понял, о чем говорит их восхитительная дочка. – Вам чай или кофе?

– Нам ванную, – сказала Нинка. – Мы же на перекладных из Николаева добирались, а от Тулы вообще электричкой, билетов же с юга нету ни фига.

Пока Ольга целовала Нинку, восклицая при этом что-то о ее прекрасном загаре и о том, какая она бесовестная, нельзя же ничего о себе не сообщать, ведь они волнуются, ведь практика давно закончилась, – Кирилл прошел в кухню.

– Это твой однокурсник? – понизив голос, поинтересовалась Ольга. – Он надолго к нам?

– Посмотрим, как карта ляжет, – хмыкнула Нинка. – Пока что он мне вроде бы нравится. Поживем – увидим.

– Как – поживем?! – ахнула Ольга.

– Гражданским браком, – объяснила Нинка. И пропела: – «Жили мы с Фейгеле гражданским браком, жизнь наша с ней была как булочка с маком...» Помнишь, нянька мне колыбельную пела, а я потом ее в детском саду на первомайском утреннике исполнила? Мам! – хихикнула она. – Отомри! Не все, как ты, на золотую свадьбу настроены. Столько не живут! Мы сейчас душ примем и спать завалимся. Есть не хотим – беляшей наелись в Туле. Кир! – крикнула она. – Чай не пей, а то не уснешь, папа зверский чифирь заваривает! Лучше кофе попроси. Я первая в ванную.

И она прошествовала в ванную, оставив ошеломленную Ольгу общаться с Кириллом, появившимся в их квартире буквально как та особа, которая с порога заявляет: «Здравствуйте, я ваша тетя, буду у вас жить».

Молодой человек, впрочем, ничего такого судьбоносного не заявлял, видимо, предоставив подобные заявления Нинке. Когда Ольга пришла в кухню, он сосредоточенно пил заваренный Андреем чай. Волосы у него были заплетены в косичку, а одна прядь, самая длинная, прилепилась ко лбу. Пыльную кепку он на время чаепития не снял.

– Вы Нинин однокурсник? – не зная, что сказать, спросила Ольга.

– Нет, я с Николаева, – ответил он. – Мы с Ниной на раскопках познакомились.

– А... вы, наверное, тоже на истфаке учитесь? – растерянно поинтересовалась она.

– Я не учусь. Не уверен, что мне это по жизни надо, – объяснил он. – А на раскопках так, подрабатывал просто.

– А вообще где вы работаете, Кирилл? – спросил Андрей.

Его голос звучал так же невозмутимо, как голос новоявленного зятя. Ольга же готова была едва ли не в обморок хлопнуться.

– Вообще – где получится. Еще не определился.

– Ну, определяйтесь, – заключил Андрей. – Оля, я уехал. Пойдем, дверь за мной закрой.

Замок на входной двери захлопывался сам собой, закрывать его за кем-то не было надобности. Но сейчас это не пришло Ольге в голову. В полном ошеломлении она вышла из кухни вслед за мужем.

– Ну что ты остолбенела? – сказал Андрей в прихожей. – Нинку не знаешь? Чего-то подобного следовало ожидать. Она, по-моему, еще в пятом классе говорила, что в восемнадцать лет выйдет замуж, а в девятнадцать быстренько разведется. Так что гражданский брак с молодым человеком с Николаева еще не самое плохое. И не самое долговременное, надеюсь.

Андрей умел успокаивать. Весь Ольгин здравый смысл, отключившийся было при виде дочкиного избранника, мгновенно к ней вернулся.

«Что это я, в самом-то деле? – подумала она. – И правда, как будто от Нинки можно было ожидать чего-то общепринятого! Могла вообще за чукчу замуж выйти и в чум на постоянное жительство перебраться. Действительно, поживем – увидим».

Ольга достала из шкафа свежее постельное белье, отнесла в детскую, теперь уже бывшую детскую, к сожалению, потом вернулась в кухню и поджарила на двоих Нинкину любимую яичницу с помидорами. На двоих, потому что сама ограничивалась по утрам кофе, с тех пор как поняла, что стройность, которая в молодости не требовала никаких усилий, с возрастом становится плодом вот именно усилий и самоограничений.

Расспрашивать Кирилла, что он привык есть на завтрак, Ольга не стала. Зачем? Скорее всего, он ответит что-нибудь глубокомысленное, еще и про карму того и гляди добавит. Судя по его манере держаться, с него станется. А от яичницы с помидорами и без спросу никто еще не умер.

Жаль только, что не удалось выспаться: через три часа предстояло сдавать практическое вождение. Теорию Ольга уже сдала, и вот сегодня вся эта эпопея с получением прав должна была наконец завершиться. Если она все благополучно сдаст, конечно. В том числе и параллельную парковку.

Стоило ей вспомнить этот термин, как сразу же вспомнилась и белая стена ливня, отделившая ее с Сергеем от всего белого света, и сердце захлестнул холодок то ли страха, то ли счастья. Нет, не страха – именно счастья. Не было смысла себя обманывать.

Одеваясь в спальне, она все время видела себя в большом, вделанном в ясеневый шифоньер, зеркале. И видела, что лицо у нее взволнованное и счастливое. От такого двойного выражения та разрозненность, даже несочетаемость всех черт, которая была свойственна ее лицу, усиливалась многократно. Разрозненность была в цвете волос и глаз – обычных русых с необычными... Аметистовыми! Господи, да что же ей все время вспоминается Сергей и все его слова?! Но глаза у нее в самом деле были странного цвета, это и мама говорила, еще когда Ольга была совсем маленькая. И еще мама говорила, что никогда не разберешь, растрепана она или, наоборот, тщательно причесана. Как такое может быть? Ольга и теперь не понимала.

Но теперь ей это было все равно. Она смотрела в свои тревожные глаза, щеки у нее горели, и счастье бередило сердце.

Глава 13

– Надо было просто заплатить, и все! Что за дурацкая меня обуяла принципиальность? Все же мне говорили!..

От досады Ольга даже ногой притопнула – так, что набойка на каблуке цокнула по асфальту. Еще бы ей было не досадовать! Экзамен она не сдала, и ладно бы не сдала по собственной вине, так ведь нет – милиционер, принимавший практическое вождение, даже не стал смотреть, как она проделывает на площадке обязательные фигуры вроде этой самой параллельной парковки, а просто поставил отметку о несдаче и вдобавок нагло ухмыльнулся Ольге прямо в лицо, заявив:

– Надо было раньше решать вопрос.

И что с этим можно было поделаться? Ничего.

– Ничего вы с ними не сделаете, – сказал Сергей. – Да и бросьте переживать, Ольга Евгеньевна. Если хотите, я узнаю, кому заплатить и сколько. Вряд ли много. Отдадите им деньги и получите права без вопросов. А водите вы и так неплохо, без всякого экзамена.

– Наверное, вы правы, – вздохнула Ольга. – Надо было мне сразу вас об этом попросить.

– Да я и хотел предложить, но как-то... Не переживайте, короче, – повторил Сергей. – Считайте, права вы уже получили. Покупайте машину.

Он говорил все эти обыкновенные и разумные слова, но в оттенках его голоса, да и не в оттенках даже – во всем его голосе слышалось: «Это все неважно, неважно! Я с тобой говорю, смотрю на тебя, и при чем тут все остальное?»

Ольга расслышала это в его голосе так ясно, что сразу забыла и о несданном экзамене, и... Обо всем она забыла!

Она шла с Сергеем мимо ограды Новодевичьего кладбища, колокольный звон доносился с неба, и сердце ее вздрагивало так, как, наверное, не вздрагивал самый большой колокол на монастырской колокольне.

Наконец она решилась взглянуть на Сергея. Он шел рядом и смотрел на нее. У кого-нибудь другого это, может быть, получалось бы смешно, кто-то другой, может быть, даже спотыкался бы, идя вот так рядом с женщиной и не отводя от нее глаз, но у Сергея это получалось так естественно, так как-то... сильно, как получалось у него все, что бы он ни делал, и получалось всегда.

Но сегодня она уловила в его взгляде какое-то новое выражение.

– У вас что-то случилось? – спросила Ольга. – Вы чем-то взволнованы.

– Да, – помолчав, ответил он. – У меня вчера сын родился.

– Как?! – ахнула Ольга. – Что же вы молчите? Это же такое событие! Я на вашем месте и на работу не пошла бы, – улыбнулась она.

– Ну, не я же родил. – Он улыбнулся в ответ. Улыбка переменяла его лицо, и оно наконец перестало выглядеть растерянным. – Больничный мне не положен. И я, вы знаете, растерялся как-то, – смущенно сказал он.

– От этого все теряются, – засмеялась Ольга. – Все отцы. Наверное, первенец у вас? – Сергей кивнул. – Ну, тем более! Ничего, вот заберете ребенка домой и понемножку к нему привыкнете. Вы его уже видели?

– В окошке, – снова кивнул он. – Жена показывала. Но что там разглядишь, тем более на втором этаже? Сверток, и все.

– Поздравляю вас, Сергей, – сказала Ольга.

Ей почему-то стало так грустно, как будто сын родился не у совершенно постороннего, а у очень близкого ей мужчины, и, главное, как будто рождение у него ребенка должно было что-

то изменить в их отношениях. А ведь никаких отношений и не было, и неважно было поэтому, есть у него ребенок или нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.